

НАУЧНЫЙ ЦЕНТР «АЭТЕРНА»

РОЛЬ ПРАВОВОЙ НАУКИ В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА

**Сборник статей
Международной научно-практической конференции
22 августа 2014г.**

**Уфа
АЭТЕРНА
2014**

УДК 00(082)
ББК 65.26
Р 33

*Ответственный редактор:
Сукиасян А.А., к.э.н., ст. преп.;*

Р 33 РОЛЬ ПРАВОВОЙ НАУКИ В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА: сборник статей Международной научно- практической конференции (22 августа 2014 г, г. Уфа). - Уфа: Аэтерна, 2014. – 54 с.
ISBN 978-5-906763-81-5

Настоящий сборник составлен по материалам Международной научно-практической конференции **«РОЛЬ ПРАВОВОЙ НАУКИ В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА»**, состоявшейся 22 августа 2014 г. в г. Уфа.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а так же за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Материалы публикуются в авторской редакции.

УДК 00(082)
ББК 65.26

ISBN 978-5-906763-81-5

© Коллектив авторов, 2014
© ООО «Аэтерна», 2014

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ СТ. 191 УК РФ

Настоящим законодательством предусматривается уголовная ответственность за совершение преступлений в сфере оборота драгоценных металлов и камней (ст. 191 УК РФ «Незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга»), в частности, изменения коснулись части первой, указанной статьи и уголовно наказуемым считается деяние совершенное только в крупном размере.

Крупный размер определен в примечании к ст. 169 УК РФ: «в статьях настоящей главы, за исключением статей 174, 174.1, 178, 185, 185.4, 193, 194, 198, 199 и 199.1, крупным размером, крупным ущербом, доходом либо задолженностью в крупном размере признаются стоимость, ущерб, доход либо задолженность в сумме, превышающей один миллион пятьсот тысяч рублей, особо крупным – шесть миллионов рублей [1]. Изменения в дальнейшем коснулись и части второй, указанной статьи, а также наказания за данное преступление [2].

Не вдаваясь в подробный анализ ст. 191 УК РФ, отметим лишь, что законодателем сохранен прежний предмет преступления – драгоценные металлы, природные драгоценные камни или жемчуг.

К ним традиционно отнесены: драгоценные металлы – золото, серебро, платина и металлы платиновой группы (палладий, иридий, родий, рутений и осмий) в любом виде и состоянии, за исключением ювелирных и других бытовых изделий, а также лома таких изделий; природные драгоценные камни – алмазы, рубины, сапфиры, изумруды и alexandritы в сыром и обработанном виде, а также жемчуг, за исключением ювелирных и других бытовых изделий из этих камней и лома таких изделий [3].

К драгоценным камням приравниваются также уникальные янтарные образования[4]. Отнесение янтаря к драгоценному минералу может быть определено только геммологической экспертизой.

По смыслу закона предметом преступления могут быть только природные камни, синтезированные (искусственные) камни (стразы), а равно искусственно выращенный (культивированный) жемчуг к таковым не относятся. В связи с этим, к какой категории следует отнести облагороженные природные драгоценные камни?[5, с. 302]

Это минералы, подвергнутые обработке с помощью специальных технологий для придания им качества ювелирных камней. Облагороженные камни не являются искусственными либо синтетическими, поскольку до того, как подвергнуться обработке, были добыты из недр и имеют природное происхождение [6, с. 112 – 121].

Их нельзя считать и полностью натуральными природными, поскольку они искусственно видоизменены: окраской с помощью лазера, пропиткой специальными маслами, заполнением трещин специальным клеем и т.п. То есть камни искусственно «доведены» до состояния ювелирного качества.

По мнению Никоновича С.Л., Шнигера Д.О., такие «облагороженные драгоценные камни» не должны подчиняться правовому режиму, установленному для природных камней и поэтому не должны составлять предмет преступления [7, с. 25 – 57]. В связи с

этим, он предлагает внести дополнение в ч. 1 ст. 191 УК РФ следующего содержания: «за исключением *облагороженных драгоценных камней*» и ... далее по тексту [8].

Думается – это преждевременно, поскольку указанные камни все же имеют природное происхождение, а стало быть, исходя из буквы закона, являются предметом указанного преступления.

Список использованной литературы:

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 7 апреля 2010 года № 60–ФЗ «» // СПС КонсультантПлюс: Высшая школа. 2014. Вып. № 21.

2. О внесении изменений в УК РФ и отдельные законодательные акты РФ: [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 7 декабря 2011 г. № 420 – ФЗ // СПС КонсультантПлюс: Высшая школа. 2014. Вып. № 21.

3. См.: статья 1 Федерального закона РФ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» [Электронный ресурс]: от 26 марта 1998 г. № 41-ФЗ // СПС КонсультантПлюс: Высшая школа. 2014. Вып. № 21.

4. Постановлением Правительства РФ «Об утверждении Порядка отнесения уникальных янтарных образований к драгоценным камням от 5 января 1999 года №8 (Собрание законодательства РФ. 1999. № 2. Ст. 310) определены критерии отнесения янтаря к драгоценному: вес не менее 1кг, разнообразная форма и цвет образцов, в том числе прозрачных, с сохранившимися включениями флоры и фауны, размерами более 10 мм; см. также: Никонович С.Л. Проблемы теории и практики применения ст. 191 УК РФ // Закон и право. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2006. № 10. С. 25 – 28; Никонович С.Л. Хищения драгоценных металлов и природных драгоценных камней // Закон и право. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2007. № 3. С. 56 – 58; Никонович С.Л. Предмет преступного посягательства как элемент комплексной криминалистической характеристики преступлений в сфере незаконного обращения драгоценных металлов и камней // Закон и право. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2009. № 10. С. 78 – 81; Никонович С.Л. Понятие и система методики расследования преступлений в сфере незаконного оборота драгоценных металлов и камней // Вестник Московского университета МВД России. М., 2010. № 11. С. 67 – 69.

5. Олимова Р.М. Геммологическая экспертиза в Российской Федерации // Будущее России: перспективы и стратегии развития: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 5 томах. Т.3. Казань, 2005; Никонович С.Л. Типичные следственные ситуации и организация расследования преступлений в сфере оборота драгоценных металлов и драгоценных камней // Вестник Волгоградской академии МВД России. Волгоград, 2014. №1. С. 109 – 114; Никонович С.Л. Преступная группа – необходимая составляющая криминалистической характеристики преступлений в сфере хищений и незаконного оборота драгоценных металлов и драгоценных камней // Вестник Московского университета МВД России. М., 2010. № 12. С. 86 – 88; Никонович С.Л. Особенности производства отдельных следственных действий на первоначальном этапе расследования преступлений, совершаемых в сфере незаконного оборота драгоценных металлов и драгоценных камней // Закон и право. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2011. № 10. С. 86 – 88.

6. Шнигер Д.О. Критика определения понятия драгоценных камней по российскому законодательству // Журнал российского права. 2011. № 12.

7. Никонович С.Л. О новых подходах в борьбе с преступностью, осуществляемой в сфере оборота драгоценных металлов и драгоценных камней // Перспективы науки. 2013. № 8(47).

8. Никонович С.Л. К вопросу о комплексной криминалистической характеристике преступлений, совершаемых в сфере оборота драгоценных металлов и камней // Научная дискуссия: вопросы юриспруденции. Сборник статей по материалам XVIII международной заочной научно-практической конференции. Октябрь. 2013. М.: «Международный центр науки и образования», 2013. № 10. (18); Никонович С.Л. К вопросу о структуре и содержании криминалистической характеристики нарушений правил сдачи государству драгоценных металлов и драгоценных камней, незаконного предпринимательства в этой сфере // Бизнес в законе. М., 2013. № 5. С. 105 – 107; Никонович С.Л. Криминалистическая характеристика незаконного оборота драгоценных металлов и драгоценных камней (по материалам проведенного исследования) // Черные дыры в Российском законодательстве. М., 2013. № 10. С. 95 – 97.

© А. Я. Авдалин, 2014

УДК 343.122

М.М. Васягина

Старший преподаватель кафедры
правоохранительной деятельности и исполнительного производства
«Российская правовая академия Минюста Российской Федерации»
Средне-Волжский филиал
г. Саранск, Российская Федерация

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСА ПОТЕРПЕВШЕГО В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТНОЙ И БЕСКОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ

Потерпевший – это специфический субъект допроса. Потерпевший может участвовать в следственных действиях как источник информации, как носитель физиологических свойств, а также как лицо, оказывающее определенную помощь следователю в поиске доказательств [1, с. 43].

Допрос потерпевшего является наиболее распространенным следственным действием. С организационно-технологической точки зрения допрос потерпевшего складывается из четырех этапов: [2, с. 10].

1) предварительной (доконтактной) подготовки к допросу (сюда можно включить определение способа вызова на допрос, изучение личности допрашиваемого, материалов дела, определение предмета допроса, подготовка к работе технических средств, надлежащая организация рабочего места и пр.);

2) подготовки к допросу на месте его производства сразу после вступления следователя в контактное информационное взаимодействие (установление личности явившегося лица, знакомство, налаживание делового контакта, определение функций иных лиц, которые будут присутствовать при допросе – представителя, переводчика, разъяснение процессуальных прав и пр.);

3) предметной части допроса как процесса получения показаний по существу дела (здесь применяются различные тактические приемы и комбинации в зависимости от криминалистического типа потерпевшего);

4) постпредметного информационного взаимодействия следователя с допрашиваемым (оформление протокола, определение последующего плана работы с потерпевшим и др.).

Продолжительность подготовительного этапа допроса потерпевшего зависит от того, проводится ли он впервые или повторно. Если следователь раньше не встречался с допрашиваемым, то необходимым этапом будет знакомство, выяснение его личностных особенностей, позиции по делу.

Следователь должен принимать все возможные меры к налаживанию и поддержанию психологического контакта с допрашиваемым, демонстрировать заинтересованность в сотрудничестве с ним. Нужно помнить, что допрос является с процессуальной точки зрения следственным действием, но с позиции психологии – общением двух людей, беседой. Поэтому здесь применимы также психологические приемы налаживания взаимодействия: активное слушание, проявление эмпатии, интереса к собеседнику как к личности. Одним из условий успешного допроса является персонализация его участников: следователь должен видеть в потерпевшем не просто процессуальную фигуру, а живого человека с его заботами и волнениями. Выбор следователем доминирующей позиции при допросе вряд ли приведет к устойчивому контакту, необходимо строить, скорее, партнерские отношения с потерпевшим, ведь последний тоже является участником процесса со стороны обвинения.

Довольно часто показания потерпевшего бывают достаточно полными и достоверными, тем не менее, нельзя не учитывать возможность появления некоторых дефектов в сообщаемых ими сведениях. Дефекты показаний вызваны особенностями восприятия и запоминания обстоятельств, относящихся к расследуемому событию. Под влиянием острых психических переживаний потерпевшие нередко, особенно на первых допросах, не могут вспомнить об обстоятельствах, которые предшествовали событию преступления, или же, наоборот, последовали за ним. Все это объясняет, почему на повторных допросах показания потерпевших оказываются порой более полными, чем сразу же после преступного посягательства. Кроме того, встречаются ситуации, когда вследствие чрезмерного психического напряжения, вызванного совершенным преступлением, наступает амнезия, то есть частичное или полное выпадение из памяти пережитого события [3, с. 58]. Если же имел место пробел в восприятии, то в этом случае информация уже не может быть восстановлена, т.к. нельзя дать показания о том, чего допрашиваемый непосредственно не воспринимал своими органами чувств. Нередко в подобных ситуациях следователи пытаются направить потерпевшего в нужное русло, подсказать ему ответ (например, задавая наводящие вопросы), но здесь можно говорить не только о нарушении УПК РФ, но и о допущении тактической ошибки, что приводит к искажению информации. В этом плане следует согласиться с А.Б. Соловьевым, который отмечает: «Предпочтительнее иметь пробелы в показаниях, нежели пытаться побудить допрашиваемого свидетельствовать о том, чего он не увидел и не услышал. Восполнить и уточнить в показаниях можно лишь то, что было в свое время воспринято допрашиваемым, но с течением времени было запечатлено им» [4, с. 24].

Для допроса потерпевшего применимы те же тактические приемы и комбинации, что и для допроса иных участников, при этом также можно выделять допрос в условиях конфликтной и бесконфликтной ситуации.

Для бесконфликтной ситуации применимы следующие приемы допроса потерпевшего:

- разъяснение допрашиваемому важности его показаний для раскрытия преступления, изобличения виновного;
- предложение изложить факты, строго соблюдая последовательность развития события, о котором даются показания;
- предъявление фотоснимков, схем, планов, других объектов, способствующих припоминанию;

– постановка вопросов, активизирующих в сознании допрашиваемого ассоциативны связи;

– ознакомление потерпевшего с фрагментами показаний других лиц;

– производство допроса на месте события.

К числу приемов, применяемых в конфликтной ситуации, можно отнести:

– напоминание потерпевшему об уголовной ответственности за отказ и за дачу заведомо ложных показаний;

– выяснение мотивов дачи ложных показаний и устранение этих мотивов;

– доказывание с помощью логических доводов бессмысленности попыток дачи ложных показаний;

– максимальная детализация и конкретизация показаний допрашиваемого;

– стимулирование положительных качеств потерпевшего;

– предъявление доказательств [2, с. 41].

Повторный допрос потерпевшего может быть эффективен и в бесконфликтной ситуации, т.к. первичный допрос обычно проходит в стрессовой для потерпевшего обстановке, когда он еще не отошел от пережитого шока (а иногда испытывает и физическую боль). Спустя некоторое время потерпевший сможет более трезво оценить происшедшее и уточнить детали.

Таким образом, производство следственных действий с участием потерпевшего имеет некоторые особенности и позволяет решить ряд важных задач расследования и раскрытия преступлений.

Список использованной литературы:

1. Шейфер С.А., Лазарева В.А. Участие потерпевшего и его представителя на предварительном следствии : учебное пособие. Куйбышев, 1979.

2. Образцов В.А., Богомолон С.Н. Допрос потерпевшего и свидетеля на предварительном следствии. М., 2003.

3. Сапожников А.Г., Соловьев Л.А., Охупкин А.С, Соловьев С.Л. Судебная психиатрия в правоохранительной практике. Смоленск, 2002.

4. Соловьев А.Б. Использование доказательств при допросе на предварительном следствии : методическое пособие. М., 2001.

© М.М. Васягина, 2014

УДК 341.1/8

Е.С. Власенко, Магистрант 1 курса юридического факультета
Института Истории и права
Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова,
Г. Абакан, Российская Федерация

Ю. В. Маркелова, студентка 4 курса юридического факультета
Института Истории и права
Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова,
Научный руководитель – Чеботарева И. А.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОГОВОРЫ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ДЕТЕЙ

Среди международных документов по защите прав детей можно выделить несколько основных и наиболее значимых – это Декларация прав ребенка и Конвенция ООН о правах ребенка, а так же три протокола закрепленные к Конвенции.

В рамках международной защиты прав человека Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. была принята Всеобщая декларация прав человека, а в 1966 г. Международные пакты о правах человека. В Декларации и пактах был сформулирован ряд положений, непосредственно касающихся прав и интересов детей: принцип равенства детей, нормы о защите материнства и младенчества, о защите детей от эксплуатации, право детей на образование. В Декларации и пактах провозглашается принцип равенства детей. В Декларации говорится о равенстве детей независимо от того, рождены они в браке или вне его: «Все дети, родившиеся в браке или вне брака, должны пользоваться одинаковой социальной защитой» (ст. 25)[1, ст. 25]. В Пакте о гражданских и политических правах устанавливается, что каждый ребенок без всякой дискриминации по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии, национального или социального происхождения, имущественного положения или рождения имеет право на такие меры защиты, которые требуются в его положении как малолетнего со стороны семьи, общества и государства (п. 1 ст. 24). Пакт об экономических, социальных и культурных правах запрещает дискриминацию по признаку семейного происхождения или по иному признаку (п. 3 ст. 10)[2, п. 3 ст. 10].

Важное значение для охраны здоровья детей и их прав имеют международно-правовые нормы о запрещении детских браков. В Конвенции о согласии на вступление в брак, брачном возрасте и регистрации браков 1962 г. предусматривается принятие государством законодательных актов, устанавливающих минимальный брачный возраст. Конвенция запрещает «заключение брака с лицом, не достигшим установленного возраста, кроме случаев, когда в интересах сторон, вступающих в брак, компетентный орган разрешает сделать исключение из этого правила» (ст. 2)[3, ст. 2]. Рекомендация о согласии на вступление в брак, минимальном брачном возрасте и регистрации браков и Декларация о ликвидации дискриминации в отношении женщин[4], принятые Генеральной Ассамблеей ООН соответственно 1 ноября 1965 г. и 7 ноября 1967 г., содержат положения о запрещении вступления в брак в детском возрасте и обручения молодых девушек, а также предлагают государствам принять эффективные меры по установлению минимального возраста для вступления в брак и регистрации браков в официальных учреждениях.

Также следует отметить международные соглашения, связанные с рабством и работорговлей детьми, а также посвященные борьбе с торговлей женщинами и детьми с целью проституции. В 1953 г. Генеральная Ассамблея своей резолюцией одобрила Протокол о внесении изменений в Конвенцию 1926 г. о рабстве[5]. На конференции в Женеве в 1956 г. была принята Дополнительная конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством. Конвенция предусматривает, в частности, отмену такого института, сходного с рабством, как эксплуатация детского труда. Под этим подразумевается любой институт или обычай, «в силу которого ребенок или подросток моложе 18 лет передается одним или обоими своими родителями или своим опекуном другому лицу за вознаграждение или без такового, с целью эксплуатации этого ребенка или подростка или его труда» (п. d ст. 1)[6]. Конвенция предусматривает установление уголовного наказания за работорговлю.

20 октября 1947 г. ООН был принят Протокол к Международной конвенции о борьбе с торговлей женщинами и детьми 1921 г. и к Конвенции о борьбе с торговлей совершеннолетними женщинами 1933 г.[7] В Конвенциях и Протоколе предусматривается обязанность государств привлекать к уголовной ответственности лиц, занимающихся вовлечением женщин в проституцию и торговлей женщинами и детьми, сообщать друг другу сведения о профессиональных торговцах женщинами и детьми.

Международные нормы об охране труда детей содержатся в конвенциях, принятых Международной организацией труда. В 1973 г. была принята Конвенция о минимальном возрасте приема на работу, в соответствии с которой государства обязуются «обеспечить эффективное упразднение детского труда и постепенное повышение минимального возраста для приема на работу до уровня, соответствующего наиболее полному физическому и умственному развитию подростков» (ст. 1)[8, ст. 1]. В Конвенции предусматривается, что каждое государство, ратифицировавшее эту Конвенцию, в специальном приложении должно сообщить данные о минимальном возрасте приема на работу подростков на своей территории. Конвенции МОТ № 77 и № 78, принятые в 1946 г., предусматривают обязательное проведение медицинского освидетельствования детей и подростков с целью выяснения их пригодности к труду в промышленности и на непромышленных предприятиях. В них устанавливается, что дети и подростки моложе 18 лет не будут приниматься на работу, если в результате медицинского освидетельствования будет установлено, что они не пригодны для работы, на которой они должны быть использованы.

Конгресс ООН по борьбе с преступностью и обращению с правонарушениями разработал ряд важных международных актов относительно защиты прав несовершеннолетних правонарушителей в период отправления правосудия, отбывания наказания в местах лишения свободы, мер предупреждения преступности среди несовершеннолетних. Это минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних 1985 г. (известные как «Пекинские правила») и принятые в 1990 г. Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних, лишённых свободы[9].

Особо следует выделить международные соглашения, касающиеся защиты детей и женщин в период вооружённых конфликтов. Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны 1949 г. и Дополнительные протоколы к Женевским конвенциям, принятые в 1977 г., предусматривают предоставление женщинам и детям специальной защиты от последствий военных действий. В 1974 г. была принята Декларация о защите женщин и детей в чрезвычайных обстоятельствах и в период вооружённых конфликтов, содержащая рекомендации государствам предоставлять особую защиту женщинам и детям, относящимся к гражданскому населению[10].

Специальным документом, полностью посвященным правам ребенка, стала Декларация прав ребенка от 20 ноября 1959 года. Основной ее тезис состоял в том, что человечество обязано давать ребенку лучшее, что оно имеет. В ней были провозглашены десять социальных и правовых принципов, касающихся защиты и благополучия детей на национальном и международном уровнях. Декларация призвала родителей, отдельных лиц, неправительственные организации, местные власти и правительства признать изложенные в ней права и свободы и стремиться к их соблюдению. В Декларации также говорилось, что детям должна быть обеспечена специальная защита и предоставлены возможности и условия, позволяющие им развиваться здоровым и нормальным путем и в условиях свободы и достоинства. Она оказала значительное влияние на политику и дела правительств и отдельных лиц во всех частях мира[11].

Однако после принятия Декларации прав ребенка возникла необходимость принятия нового документа - Конвенции.

По сравнению с Декларацией о правах ребенка 1959 года, где было 10 коротких, носящих декларативный характер положений (они именовались принципами), Конвенция содержит 54 статьи, учитывающие практически все моменты, связанные с жизнью и положением ребенка в обществе. Конвенция о правах ребенка не только

развивает, но и конкретизирует положения Декларации прав ребенка. В отличие от Декларации государства, которые присоединяются к Конвенции, несут юридическую ответственность за свои действия в отношении детей. Страны, ратифицировавшие Конвенцию о правах ребенка или присоединившиеся к ней, должны пересмотреть свое национальное законодательство для обеспечения его соответствия положениям Конвенции. Подписывая Конвенцию, государства заявляют о своем обязательстве соблюдать эти положения и в случае их невыполнения несут ответственность перед международным сообществом.

Конвенция имеет равное значение для всех народов во всех регионах мира. Несмотря на то, что Конвенция устанавливает общие нормы, в ней учтены различные культурные, социальные, экономические и политические реалии отдельных государств, что позволяет каждому государству, на основе общих для всех прав выбрать свои собственные национальные средства для выполнения этих норм. Это дает основание утверждать, что Конвенция имеет универсальный характер.

Конвенция о правах ребенка стала отправной точкой для разработки как региональных конвенций о правах ребенка (в рамках Организации африканского единства в 1990 г. принята Африканская Хартия прав и благополучия детей; Советом Европы разрабатывается Европейская конвенция о правах ребенка), так и конвенций, регулирующих отдельные права ребенка (например, Конвенция 1993 г. по защите детей и сотрудничеству в отношении международного усыновления [12]).

25 мая 2000 г. к Конвенции о правах ребёнка 1989 г. было принято два дополнительных протокола – Факультативный протокол, касающийся участия детей в вооружённых конфликтах[13], и Факультативный протокол, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии[14]. Указанные документы были приняты в ответ на усилившееся в последнее время вовлечение несовершеннолетних во внутренние вооруженные конфликты (Афганистан, Судан, Сьерра Лионе, Чечня и др.)

Не менее опасной тенденцией стало использование более широкое использование детей в целях сексуальной эксплуатации. По оценкам, ежегодно в мире в нелегальный сексуальный бизнес, который приносит доходы в размере многих миллионов долларов, поступает около миллиона детей[15]. Одних из них принуждают к этому силой, других похищают или обманывают. Некоторых вынуждают заниматься проституцией обстоятельства, так как им нужно выжить на улицах или оплатить пропитание и одежду. Других заманивают потребительскими образами рекламного мира. Растущий поток глобального туризма и распространение электронных средств информации также способствуют эксплуатации детей в проституции в форме сексуального туризма или порнографии. Более того, растет спрос на сексуальные отношения с детьми в результате ошибочного мнения, что такие отношения с ребенком менее вероятно приведут к инфицированию ВИЧ.

Независимо от обстоятельств, опасности сексуальной эксплуатации огромны: наносится непоправимый ущерб достоинству и самоуважению детей, подвергается риску их физическое и психическое здоровье и создается угроза будущему развитию. Хотя сексуальная эксплуатация детей существует практически во всех обществах, в связи с тем, что она нелегальна, очень трудно получить надежные данные и обеспечить защиту детей, которые являются ее жертвами.

Статья 34 Конвенции призывает государства защищать детей от «незаконной сексуальной практики» и использования в целях эксплуатации в проституции и

порнографии. Многие страны приводят свои национальные законы в соответствие с Конвенцией. Для того чтобы положить конец соучастию, которое допускает в столь широких масштабах сексуальную эксплуатацию детей, необходимо также расширить информационно-пропагандистскую работу[16].

Одними из наиболее значимых международных документов являются Декларация прав ребенка и Конвенция о правах ребенка, а также три протокола к Конвенции.

В Декларации прав человека 1948 г. и Международных пактах 1966 г. был сформулирован ряд положений, непосредственно касающихся прав и интересов детей: принцип равенства детей, нормы о защите материнства и младенчества, о защите детей от эксплуатации, право детей на образование.

Декларация закрепила равенство детей вне зависимости от того, рождены они в браке или вне его.

Особо следует отметить международные соглашения, связанные с рабством и работорговлей детьми, а также посвященные борьбе с торговлей женщин и детей с целью проституции. 20 октября 1947 г. ООН был принят Протокол к Международной конвенции о борьбе с торговлей женщинами и детьми 1921 г. и к Конвенции о борьбе с торговлей совершеннолетними женщинами 1933 г. В Конвенциях и Протоколе предусматривается обязанность государств привлекать к уголовной ответственности лиц, занимающихся вовлечением женщин в проституцию и торговлей женщинами и детьми, сообщать друг другу сведения о профессиональных торговцах женщинами и детьми.

Международные нормы об охране труда детей содержатся в конвенциях, принятых Международной организацией труда. В 1973 г. была принята Конвенция о минимальном возрасте приема на работу.

Специальным документом, полностью посвященного правам ребенка, стала Декларация прав ребенка от 20 ноября 1959 года. Декларация заключает в себе основную цель – человечество должно отдавать ребенку лучшее, что имеет.

Конвенции, принятые на международном уровне, стали основой для принятия национальных норм по защите прав детей (в рамках Организации африканского единства в 1990 г. принята Африканская Хартия прав и благополучия детей; Советом Европы разрабатывается Европейская конвенция о правах ребенка), так и конвенций, регулирующих отдельные права ребенка).

В последнее время отмечена тенденция по вовлечению детей в вооруженные конфликты, занятие проституцией, порнографии. Все это наносит непоправимый вред хрупкой детской психике, что влечет тяжкими последствиями для несовершеннолетнего. В ответ на это 25 мая 2000 г. к Конвенции о правах ребёнка 1989 г. было принято два дополнительных протокола – Факультативный протокол, касающийся участия детей в вооружённых конфликтах, и Факультативный протокол, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии.

Список использованной литературы:

1. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (16.11.2013).

2. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (16.11.2013).

3. Конвенция о согласии на вступление в брак, брачном возрасте и регистрации браков. Принята резолюцией 1763 А (XVII) Генеральной Ассамблеи от 7 ноября 1962 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/conmarr.shtml (16.11.2013).

4. Декларация о ликвидации дискриминации в отношении женщин, принятой резолюцией 2263 (XXII) Генеральной Ассамблеи ООН от 7 ноября 1967 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/women_discrimination.shtml (16.11.2013).

5. Протокол о внесении изменений в Конвенцию о рабстве, подписанную в Женеве 25 сентября 1926 года, одобренный резолюцией 794 (VIII) Генеральной Ассамблеи от 23 октября 1953 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol_slavery.shtml (16.11.2013).

6. Дополнительная Конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством Принята Конференцией полномочных представителей, созванной в соответствии с резолюцией 608 (XXI) Экономического и Социального Совета от 30 апреля 1956 года, и составлена в Женеве 7 сентября 1956 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/supplementconvention_slavery.shtml (16.11.2013).

7. Протокол к Международной конвенции от 30 сентября 1921 г. о борьбе с торговлей женщинами и детьми и Международной конвенции от 11 октября 1933 г. о борьбе с торговлей совершеннолетними женщинами, принятым Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 20 октября 1947 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/trafficking_suppression.shtml (16.11.2013).

8. Конвенция Международной организации труда № 138 о минимальном возрасте для приема на работу // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов.- М.: Юридическая литература, 1990. С. 368 - 375.

9. Старовойтов, О.М. Становление и развитие международной защиты прав ребенка. Белорусский журнал международного права и международных правоотношений. [Электронный ресурс]. URL: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/30501/1/1998_5_JLIR_starovoitov_r.pdf (20.11.2013).

10. Старовойтов, О. М. Становление и развитие международной защиты прав ребенка. Белорусский журнал международного права и международных правоотношений. [Электронный ресурс]. URL: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/30501/1/1998_5_JLIR_starovoitov_r.pdf (20.11.2013).

11. Лекция об истории принятия Конвенции о правах ребенка и ее основных положениях. [Электронный ресурс]. URL: http://upch.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_64862.doc (16.11.2013).

12. Конвенция от 29 мая 1993 г. по защите детей и сотрудничеству в отношении международного сотрудничества // Международное частное право. Сборник документов.- М.: БЕК, 1997. С. 712 - 720.

13. Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах, принятый резолюцией 54/263 Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 25 мая 2000 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/rightschild_protocol1.shtml (21.11.2013).

14. Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, принятый резолюцией 54/263

Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 25 мая 2000 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/rightschild_protocol2.shtml (21.11.2013).

15. Бабушкин, А.В. Защита прав ребенка. [Электронный ресурс]. URL: <http://leylamother.com/books/av-babushkin/vposledstvi-vyyasnil.html> (23.11.2013).

16. Конвенция о правах ребенка. Принятая резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (16.11.2013).

© Е. С. Власенко, Ю. В. Маркелова, 2014

УДК 349.2

К.С. Ерузалимова

студент ФГБОУ ВПО «Омский Государственный Университет
им. Ф.М.Достоевского»

Г. Омск, Российская Федерация

ЛИЦА, УЧАСТВУЮЩИЕ В ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ТРУДОВЫХ СПОРАХ

Трудовые споры являются одной из самых распространенных категорий дел в судах. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ судами общей юрисдикции и мировыми судьями за 2013 год было рассмотрено около 523805 дел, возникающих из трудовых правоотношений, независимо от формы собственности работодателя. При этом общая сумма взысканий исчисляется миллиардами рублей. Более 250 миллионов рублей было взыскано в качестве государственной пошлины[1]. В связи с этим представляется целесообразным остановиться на лицах, участвующих в трудовых спорах.

Истцом в большинстве индивидуальных трудовых спорах является работник, не согласный с увольнением или переводом на другую работу, либо с иным нарушением своих трудовых прав.

Согласно статье 11 Федерального закона от 12.01.1996 № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности»[4] иск в защиту интересов работника вправе предъявить в суд соответствующий орган профессионального союза, защищающий интересы работника, независимо от того, является ли этот работник членом этого профсоюза, в случае наделения их полномочиями на представительство в определенном порядке. Необходимо отметить, что в профсоюзы обращаются в суд в интересах работника в соответствии с положениями статьи 46 ГПК РФ[6]. Представительство работников профсоюзами - особое социальное представительство, основанное на законе [2,С.44], а значит, для предъявления иска органам профсоюза не требуется доверенности от работника, достаточно только его заявления. В этом случае профсоюзы, хотя и не являются стороной по делу, однако пользуются всеми процессуальными правами и несут все процессуальные обязанности истца за исключением права на заключение мирового соглашения.

Также следует обратить внимание, что правом на обращение в суд наделен прокурор (ст. 45 ГПК РФ). При этом возможны два варианта участия прокурора в трудовом споре. Во-первых, прокурор может обратиться в суд с заявлением в защиту трудовых прав работника, например, по делам о взыскании задолженности по заработной плате (при наличии соответствующей просьбы со стороны работника). Здесь стоит отметить, что, строго следуя

букве закона, прокурор в силу части 1 статьи 45 ГПК не имеет права отказать гражданину в защите его трудовых прав в судебном порядке, даже если это гражданин является совершеннолетним, трудоспособным и ему по силам самому защитить свои права либо обратиться за квалифицированной юридической помощью в коммерческие организации. Но на практике, прокурор предлагает такому лицу самостоятельно обращаться в суд, если сумма заработной платы или иной выплаты, подлежащей взысканию, составляет меньше 1 000 рублей. Такой подход обусловлен принципом процессуальной экономии, ведь организация судебного процесса обойдется государству дороже, чем сумма, которую в итоге получит работник. Вместе с тем, зачастую в трудовых спорах главным является именно восстановление нарушенного права, а не получение материальной выгоды, поэтому прокурорам следовало бы воздержаться от подобной практики.

Второй случай участия прокурора - это дела о восстановлении на работе, то есть категория дел, в которой участие прокурора является обязательным. Согласно части 3 статьи 45 ГПК РФ прокурор вступает в процесс и дает заключение по делам о выселении, о восстановлении на работе, о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, а также в иных случаях, предусмотренных настоящим Кодексом и другими федеральными законами, в целях осуществления возложенных на него полномочий. Неявка прокурора, извещенного о времени и месте рассмотрения дела, не является препятствием к разбирательству дела, однако может привести к ущемлению прав работника, незаконному увольнению.

Кроме того, не только работники могут быть истцами в трудовых спорах, но и лица, претендующие на заключение трудового договора, считающие, что им незаконно было отказано в приеме на работу, а также бывшие работники.

Однако нередко даже действующим работникам приходится доказывать наличие трудовых отношений с работодателем. В последнее время работодатели все чаще стараются избегать заключения трудового договора, подменяя его гражданско-правовым, как правило, договором подряда. Однако суды при наличии правовых оснований признают такие договоры именно трудовыми со всеми вытекающими последствиями. В целях предотвращения злоупотреблений со стороны работодателей и фактов заключения гражданско-правовых договоров вопреки намерению работника заключить трудовой договор, федеральный законодатель предусмотрел в части четвертой статьи 11 ТК РФ[5] возможность признания в судебном порядке наличия трудовых отношений между сторонами, формально связанными договором гражданско-правового характера, и установил, что к таким случаям применяются положения трудового законодательства. Так, П. обратился в суд с иском к ЗАО «Номбус» о признании факта трудовых отношений. Суд, удовлетворяя требования истца, исходил из следующего. На истца возложена обязанность исполнять требования охраны труда и техники безопасности, пожарной безопасности... Установлено, что истец подчинялся внутреннему трудовому распорядку, пользовался служебным транспортом для прибытия и убытия с работы. С учетом изложенного, суд пришел к выводу о том, что между сторонами сложились трудовые, а не гражданско-правовые отношения[7].

Работодатель как сторона трудового спора обычно выступает через руководителя компании либо юриста. Их полномочия должны быть надлежащим образом оформлены (ст. 54 ГПК РФ): руководителю необходимо приложить к иску приказ о своем назначении и документ, подтверждающий его полномочия, юристу - доверенность от организации на представление интересов в суде[3, С.63]. Работодатель также может выступать в качестве истца, в случаях предъявления иска к работнику о взыскании с работника ущерба, причиненного работодателю.

В качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований, могут быть привлечены инспекторы Федеральной службы по труду и занятости. Представляется, что суды, привлекая инспекторов, действуют в интересах работника, ведь присутствие должностных лиц может оказывать определенное давление на работодателя, нарушившего права работника, а факты, выявленные в ходе судебного разбирательства, могут послужить основанием для последующего привлечения работодателя к административной ответственности. Однако следует отметить, что фактически у судов нет никаких оснований для привлечения инспекторов в качестве третьих лиц: в рамках индивидуального трудового спора не обжалуется предписание или иное решение инспектора, вынесенное по итогам проведенной проверки, а принятое судом решение никаким образом не затрагивает права и законные интересы инспекции.

Таким образом, судам следует более внимательно относиться к составу лиц, участвующих в трудовых спорах для обеспечения равенства сторон и полноты исследования всех обстоятельств дела.

Список использованной литературы:

1. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2361> (дата обращения: 01.08.2014).
2. Викторов И.С., Терентьева Е.В. О правовом регулировании и прокурорском надзоре за исполнением законодательства о рассмотрении индивидуальных и коллективных трудовых споров // Трудовое право. 2007. № 6. С. 44.
3. Сувернева А.И. Индивидуальный трудовой спор // Отдел кадров коммерческой организации. 2011. № 6. С.63.
4. Федеральный закон от 12.01.1996 № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» // Рос. газ. 1996. 20 января.
5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197 ФЗ // Рос. газ. 2001. 31 декабря.
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Рос.газ. 2002. 20 ноября.
7. Решение Куйбышевского районного суда г. Омска от 12.02.2014 по делу № 2-298 (2014) // Архив Куйбышевского районного суда г. Омска.

© К.С. Ерузалимова, 2014

УДК 343

А.И. Зазулин

Выпускник Уральского государственного юридического университета
г. Екатеринбург, Российская Федерация

ПРОБЛЕМЫ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА И КОМПЕНСАЦИЯ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВА НА СУДОПРОИЗВОДСТВО В РАЗУМНЫЙ СРОК

Стадия проверки заявлений и сообщений о преступлении (стадия возбуждения уголовного дела) является одним из важных этапов уголовного судопроизводства, так как своевременное возбуждение уголовного дела способствует достижению главных задач уголовного процесса - быстрому и полному раскрытию преступлений, а также изобличению виновных лиц. Быстрое реагирование по каждому сообщению о преступлении, вкпе с незамедлительным принятием решения о возбуждении уголовного

дела при наличии достаточных оснований необходимо не только для выявления и сохранения следов преступления, получения более точной информации от свидетелей, но и укрепления доверия к государственным органам, формирования правового государства. В связи с этим, вполне логичным представляется утверждение о том, что время, «отделяющее возбуждение уголовного дела от совершения преступления, должно быть сокращено до минимума» [3, с. 56].

Действующим процессуальным законодательством, а именно статьей 144 УПК РФ, установлен общий трехсуточный срок рассмотрения сообщения (заявления) о преступлении, который может быть продлен руководителем следственного органа, начальником органа дознания по мотивированному ходатайству следователя или дознавателя до 10 суток, а при необходимости производства документальных проверок, судебных экспертиз, иных мероприятий, в том числе оперативно-розыскных, до 30 суток.

Однако на практике мы сталкиваемся со случаями и более длительных сроков проверки. Связано это главным образом с тем, что правоприменитель (следователь, дознаватель) на данной стадии стремится сформировать как можно более полную картину произошедшего не только с целью установить наличие оснований для возбуждения уголовного дела, но и для того, чтобы оценить судебную перспективу – то есть реальную возможность изобличения виновного в ходе предварительного расследования [1; с. 111]. В результате сама процедура предварительной проверки сообщения о преступлении на практике приобретает несколько иную цель, чем та, что была заложена законодателем (установить наличие факта совершенного преступления), а именно - «отсеять» те случаи, в которых присутствуют все признаки состава преступления, но которые не имеют перспективы раскрытия в будущем.

Такой подход следователей и дознавателей стал причиной многократных отмен прокуратурой постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела. Постоянное направление прокуратурой материалов проверки заявления на дополнительную проверку привело к тому, что стадия возбуждения уголовного дела фактически (включая время первоначальной проверки и неоднократных дополнительных проверок) может занимать срок в три месяца, а то и более. Единственным правовым актом, затрагивающим данную проблему, является Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 12 июля 2010 г. № 276 «Об организации прокурорского надзора за исполнением требований закона о соблюдении разумного срока на досудебных стадиях уголовного судопроизводства», в пункте 1.3 которого указано: «Во избежание многократных отмен постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела и проведения дополнительных проверок по одному сообщению о преступлении... разработать порядок контроля за разрешением материалов до принятия законного и обоснованного процессуального решения, требуя обеспечения полноты первоначально проводимых проверок» [2]. Тем не менее, на практике устранить указанную проблему только на уровне прокурорского реагирования невозможно.

Не стоит забывать также, что в течении времени, затрачиваемого на производство предварительной и дополнительных проверок интересы заявителя остаются незащищенными, а возможности последующего доказывания в рамках уголовного дела снижаются. Снижаются также и шансы на возбуждение уголовного дела в будущем: так, согласно официальной статистике, за первую половину 2014 года органами внутренних дел было рассмотрено 16, 81 миллионов заявлений (сообщений) о преступлениях, при этом только по 5,9% из них принято решение о возбуждении уголовного дела [5].

На фоне сложившейся ситуации особенно ярким становится проблема отсутствия всяких гарантий защиты прав заявителя на стадии возбуждения уголовного дела. Одной из

гарантий защиты и восстановления прав участников уголовного судопроизводства является компенсация за нарушение права на разумный срок судопроизводства, предусмотренная Федеральным законом от 30 апреля 2010 года № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнения судебного акта в разумный срок». В соответствии с данным законом, право на компенсацию имеет заинтересованное лицо, под которым подразумевается лицо, обладающее соответствующим процессуальным статусом: подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного, оправданного, потерпевшего, гражданского истца или ответчика.

Соответственно, право на компенсацию возникает у лица только если оно получило соответствующий статус участника уголовного производства. Анализ статьи 244.1 ГПК, которой регулируется производство по рассмотрению заявлений о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок, позволяет говорить о том, что законодателем исключается возможность как подачи заявления об ускорении, так и получения компенсации в период стадии возбуждения уголовного дела.

Исходя из изложенного, многие авторы приходят к обоснованному выводу о том, что институт компенсации за нарушенное право на разумный срок уголовного судопроизводства «не распространим на нарушение разумных сроков предварительной проверки по сообщению или заявлению о преступлении» [4; с. 302]. Судебная практика имеет идентичный подход в рассмотрении дел о компенсации за нарушении разумного срока на судопроизводство. В качестве примера можно взять решение Тамбовского областного суда от 31 мая 2012 года по гражданскому делу № 3-11/2012, в мотивировочной части которого было указано следующее: «Досудебное уголовно-процессуальное производство включает в себя и стадию возбуждения уголовного дела, когда по заявлению о преступлении решается вопрос о наличии оснований для возбуждения уголовного дела. Однако в статье 244.1 ГПК РФ предусмотрено право на обращение в суд с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок только по уголовному делу. Уголовное дело может иметь место только на стадии предварительного расследования. Следовательно, право на обращение в суд с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство не распространяется на нарушение разумных сроков предварительной проверки заявления о преступлении».

Не вызывает сомнения факт того, что невозможность со стороны заявителя на стадии возбуждения уголовного дела получения компенсации за нарушение сроков проверки заявления или долгий срок возбуждения уголовного дела, связанный с постоянными дополнительными проверками напрямую связана с отсутствием у него статуса участника уголовного судопроизводства (потерпевшего). Указанное является следствием одной из самых значительных проблем современного уголовно-процессуального законодательства – проблеме недостаточной процессуальной регламентации такой стадии уголовного судопроизводства как возбуждение уголовного дела. Отсутствие четкого закрепления прав и обязанностей лиц, участвующих в данной стадии ведет к нарушению прав и интересов граждан и юридических лиц с одной стороны, и увеличению волокиты в государственных органах с другой. Законодательное закрепление за лицом, от которого получено заявление о преступлении, права на компенсацию за нарушение разумного срока на судопроизводство позволило бы не только защитить интересы данных лиц, но и улучшить работу органов дознания и следствия. Пока же данный вопрос не решен, мы не можем говорить об эффективной и адекватной защите прав и интересов лица на стадии возбуждения уголовного дела.

Список использованной литературы:

1. Андреева, О.И. О необходимости стадии возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России / О.И. Андреева. - Вестник Томского государственного университета. – Томск. – 2012. - № 356 (март). – С. 109-112;
2. Генеральная прокуратура РФ. Приказ «Об организации прокурорского надзора за исполнением требований закона о соблюдении разумного срока на досудебных стадиях уголовного судопроизводства от 12 июля 2010 г. № 276 // Законность. – 2010. - №10.
3. Донских, Я.В. Сроки проверки заявлений и сообщений о преступлениях / Я.В. Донских, Я.А. Коньшина. - Альманах современной науки и образования. - Тамбов: Грамота. - 2012. - № 10 (65). – С. 56-58;
4. Рыжаков, А.П. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации. – Изд. 6-е перераб. – М.: Дело и Сервис, 2013. – 592с.
5. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации, в том числе в Крымском федеральном округе за январь – июль 2014 года [Электронный ресурс] / Официальный сайт МВД России. – Режим доступа: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/2447642>.

© А.И. Зазулин, 2014

УДК 355.357

П.Г. Зверев, Преподаватель кафедры общеправовых дисциплин
Калининградского филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России
кандидат юридических наук
г. Калининград, Российская Федерация

ПЛАНИРОВАНИЕ РАЗОРУЖЕНИЯ ДЕМОБИЛИЗОВАННЫХ ЭКС- КОМБАТАНТОВ В МИРОСТРОИТЕЛЬСТВЕ ООН

Невзирая на длительные усилия по развитию передовой практики (*best practices*) в области разоружения, демобилизации и реинтеграции (РДиР / DD&R), налицо остается большой разрыв между извлеченными уроками и их практическим воплощением [1], между теорией и практикой. Ключевые субъекты – будь то стороны конфликта, дипломаты и военные советники, облегчающие процесс мирных переговоров, гуманитарные организации, занимающиеся оказанием чрезвычайной помощи в полевых условиях, или донорское сообщество, рассчитывающее размер финансирования, которое оно может предоставить в рамках постконфликтного миростроительства – остаются в неведении относительно большинства основных требований для эффективного РДиР и, в конечном счете, для успешного всеобъемлющего миротворчества в целом. В мирном процессе, последовавшем за конфликтом между Эфиопией и Эритреей (1998-2000), ООН не выступала в качестве посредника, хотя играла значительную роль в контроле и верификации многих аспектов заключительного соглашения о прекращении военных действий¹. В то же время Совет Безопасности ООН призвал «... все государства и

¹ См. мандат Миссии ООН в Эфиопии и Эритрее (МООНЭЭ), утвержденный резолюцией Совета Безопасности 1320 (2000). В § 38 доклада «Нет выхода без стратегии» (S/2001/394 от 20 апреля 2001) Генеральный секретарь определил в качестве первого конкретного урока, извлеченного из опыта сотрудничества ООН с региональными организациями, то, что «... те, кто будут нести ответственность за реализацию мирного соглашения, обязаны присутствовать во время фазы переговоров».

международные организации поддержать мирный процесс посредством, *inter alia*, оказания помощи в целях содействия устойчивой реинтеграции демобилизованных солдат» [3]. Что касается мандата МООНЭЭ, в нем вообще не упоминается о РДиР [4]. По-видимому, государства-члены ООН были убеждены в том, что если сторонами конфликта являются суверенные государства, а не различные фракции в гражданской войне, каждое из них должно самостоятельно разрабатывать и реализовывать собственные национальные программы. Если бы представитель ООН, присутствовавший на переговорах, был знаком с ключевыми элементами общего плана РДиР, он, вероятно, смог бы убедить стороны в преимуществах взаимного контроля над усилиями каждой национальной демобилизации с помощью независимых сторонних наблюдателей. Такой подход дает возможность каждой стороне продемонстрировать выполнение заявленных обязательств, а также помогает избежать недоверия и необоснованных обвинений, которые, как правило, возникают на начальных этапах реализации мирного процесса.

Пожалуй, нигде тенденция к использованию поэтапного подхода не является более очевидной, как в отношении разоружения и управления вооружениями в рамках РДиР. Несмотря на огромное количество доказательств того, что мир не будет устойчивым, если не проводится масштабное разоружение экс-комбатантов и не используются другие эффективные средства отыскания оружия, находящегося в обществе, посредством надежного, эффективного процесса его выявления, сбора и утилизации, остается вероятность того, что разоружение так и будет рассматриваться только как мера по укреплению доверия. В качестве меры по укреплению доверия разоружение основывается на предположении, что даже в своем символическом исполнении оно является достаточным показателем искренности сторон. На семинаре в Буэнос-Айресе (Аргентина) посол Брахими обратил внимание присутствовавших на ситуацию в Македонии. В этой стране была достигнута договоренность, по которой солдатам НАТО требовалось всего 30 дней на сбор оружия, брошенного или оставленного албанскими партизанами в пунктах сбора. После этого оружие планировалось к вывозу из страны для уничтожения. СМИ назвали этот процесс «по существу, политическим», увязав его с установлением доверия между обществом, правительством и вооруженными фракциями в отношении вооружений, находившихся в руках бывших повстанцев. При этом неизменно приводился один и тот же риторический аргумент: «... поскольку все группы легко могли получить новое оружие» [2]. Одновременно в прессе также сообщалось о том, что македонское население, безусловно, верило в то, что проводившееся разоружение носило знаковый характер. На македонском примере можно видеть, что разоружение зачастую носит исключительно характер установления доверия. Иногда оно рассматривается сквозь призму «проходящего процесса демобилизации», при этом не уделяется достаточного внимания тому, сколько единиц оружия было получено и ликвидировано. Еще меньший акцент делается на оружии, которое находится внутри общества. При планировании разоружения демобилизованных бойцов не предпринимается каких-либо серьезных усилий к тому, чтобы дополнить соглашение сторон детальной информацией о количестве, типах и местах хранения оружия, которая бы подкреплялась независимыми информационными ресурсами и процедурами мониторинга, верификации и согласования данных. Серьезный процесс разоружения должен также включать в себя усилия по ограничению на использование нового оружия на определенной территории и, конечно, пограничный контроль как неотъемлемую часть основных усилий в области разоружения, предпринимаемых региональными миротворческими силами, например, СДК (KFOR) в Косово.

Список использованной литературы:

1. Зверев П.Г. Уроки 1990-х годов и их влияние на формирование доктрины международного миротворчества ООН // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2014. – № 7 (66).
2. Bonhart F. Macedonia Is Crucial, and NATO Should Get Ready to React, International Herald Tribune, September 6, 2001. – P. 191.
3. S/Res/1369 (2001) of 14 September 2001.
4. S/Res/1320(2000) of 15 September 2000.

© П.Г. Зверев, 2014

УДК 355.357

П.Г. Зверев

Преподаватель кафедры общеправовых дисциплин
Калининградского филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России
кандидат юридических наук
г. Калининград, Российская Федерация

РАЗОРУЖЕНИЕ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ПОСТКОНФЛИКТНОГО МИРОСТРОИТЕЛЬСТВА

Одной из ключевых проблем современных операций в пользу мира является эффективный процесс разоружения, демобилизации и реинтеграции (РДиР / DD&R). Эта проблема, в частности, стала темой выступлений и обсуждений в ходе прошедших в мае 2000 г. в Карлайле (США) и августе 2001 г. в Буэнос-Айресе (Аргентина) семинаров под общим названием «Вызовы операциям в пользу мира: вступая в XXI век». Также она нашла отражение в ходе прочих семинаров, посвященных другим проблемам и вызовам.

Учитывая важность РДиР для устойчивого мира и его значимость для постконфликтного миростроительства, Организация Объединенных Наций издала в декабре 1999 г. публикацию под названием «Разоружение, демобилизация и реинтеграция экс-комбатантов в миротворческой среде: принципы и рекомендации» [1]. Целью работы стало формулирование в виде руководящих принципов и оптимальных методик итогов жестких уроков полутора десятков операций ООН в пользу мира, проведенных после «холодной войны», а также национального опыта планирования и реализации мер по разоружению, демобилизации и облегчению возвращения или вхождения бывших комбатантов в гражданскую жизнь. В итоге появился документ, содержащий практические рекомендации по разработке, реализации и мониторингу РДиР с использованием комплексного подхода к планированию и осуществлению. С этого времени ООН, региональные организации, участвующие в операциях в пользу мира, и международное сообщество в целом продолжили совершенствовать собственное понимание важности и требований для обеспечения успешных программ РДиР в постконфликтной среде. Опираясь на этот опыт и соотнося его с событиями, произошедшими после опубликования Доклада Брахими [2], в контексте знаковых реформ по повышению эффективности операций ООН в пользу мира, международное сообщество оказалось перед необходимостью разработки комплексного и интегрированного плана РДиР, решения задачи его практической реализации и выработки серии рекомендаций по развитию потенциала интегрированного планирования РДиР и

созданию донорской поддержки в целях долгосрочного финансирования постконфликтного миростроительства.

Современное миростроительство демонстрирует массу примеров как эффективного, так и менее успешного РДИР. В случае с югославским кризисом НАТО изначально вела переговоры с оппозиционными силами по поводу соглашения о разоружении, в котором, однако, не предусматривалось уничтожение собранного оружия. На практике это создавало реальную проблему Силам для Косово (СДК / KFOR), ввиду постоянно растущей угрозы безопасности и нехватки кадров для охраны складов хранения собранного оружия. Руководящие принципы ООН концентрируют значительное внимание на утилизации собранного оружия [3], основываясь на уроках, извлеченных из миссий Организации в Мозамбике, Сомали и Либерии. В этой связи можно отметить, что СДК уже на второй год своей работы приступили к уничтожению, а не просто хранению собранного или конфискованного оружия.

Конечно, целью не является сведение к минимуму трудностей в переговорах об эффективном плане по разоружению. Реальное разоружение, в отличие от символического, заключается в окончательном завершении военной функции и, таким образом, соответствует цели достижения сторонами мирного соглашения. Даже если одна сторона искренне желает мира, она вполне может опасаться, что другая сторона такой цели не преследует, и поэтому вправе потребовать надежных гарантий своей безопасности во время и вслед за процессом разоружения. Значительный шаг вперед в понимании сути этого процесса был сделан после фиаско в Анголе, когда Второй контрольной миссии ООН в Анголе (UNAVEM II) попросту не хватило ресурсов, чтобы обеспечить безопасную среду для демобилизации солдат как внутри лагерей их размещения, так и за их пределами. На современном этапе ответом на вызовы безопасности все чаще становится закрепление в мандате военной силы для осуществления разоружения эксконтингентов и / или для обеспечения защиты, стабильности и безопасности в ходе размещения в лагерях. В отношении требований безопасности на постразоруженческой стадии внимание фокусируется на важнейшей роли гражданской полиции, а также всей судебной и уголовно-исполнительной системы, которые необходимы для ее эффективного функционирования (как того требует «вся правовая цепочка» [*legal chain*]). Так, в свое время разоружение стало лучшей из всех возможных мер по стабилизации ситуации в Македонии. В то же время нетрудно догадаться, что произошло бы, если бы международное сообщество в лице НАТО, которую привлекли для осуществления разоружения, не настояло на выполнении этого процесса, но только при условии, что он заслуживал бы доверия. Заслуживающим доверия является процесс, значимый по своим результатам, имеющий очевидные позитивные последствия в отношении ресурсов и длительный по своему характеру.

Список использованной литературы:

1. Lessons Learned Unit of the Department of Peacekeeping Operations (DPKO), United Nations, December 1999.
2. Report of the Panel on United Nations Peace Operations, A/55/305-S/2000/809 of 21 August 2000.
3. UN Guidelines. Para. 75, p. 48, and para. 96, 97 and 100, p. 54-55. Annex C, Guide to Destruction Methodologies. – P. 111-119.

© П.Г. Зверев, 2014

ОБ ИНДИВИДУАЛЬНОМ ИММУНИТЕТЕ ПЕРСОНАЛА МИРОТВОРЧЕСКИХ СИЛ С ПОЗИЦИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

Когда появились доказательства причастности сотрудников Организации Объединенных Наций (ООН) к совершению тяжких преступлений в Косово и Восточном Тиморе, эти сотрудники тут же лишились иммунитета от уголовного преследования. Так, в Косово причиной отмены персонального иммунитета стали совершенные миротворцами убийства, изнасилования или акты геноцида. В Восточном Тиморе был отменен индивидуальный иммунитет двоих сотрудников Организации, совершивших изнасилования и сексуальное насилие над детьми. В свете этих и других нарушений миротворческими силами ООН международного гуманитарного права (МГП) индивидуальный (персональный) иммунитет, определяемый различными международными договорами и толкуемый Международным уголовным судом (МУС), становится предметом все более пристального внимания и тщательного изучения.

Понятие индивидуального иммунитета предназначено для того, чтобы представители и сотрудники ООН могли самостоятельно осуществлять свои полномочия в государствах – членах Организации, как это указано в Конвенции о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций (далее – Конвенция) [3]. Конвенция подтверждает положение Устава ООН: «Организация Объединенных Наций пользуется на территории каждого из своих членов такими привилегиями и иммунитетами, которые являются необходимыми для достижения ее целей» [2]. Цель индивидуального иммунитета прямо определена в Конвенции, где говорится о том, что иммунитеты предоставляются индивидам в интересах ООН, а не для личной выгоды.

Хотя вооруженные силы в миротворческих операциях ООН не пользуются конкретно иммунитетами, предусмотренными Конвенцией, Римский статут МУС [5] прямо определяет, что никто не обладает персональным иммунитетом от его юрисдикции. Международный уголовный суд, основанный в 2002 г., является независимым, постоянно действующим органом правосудия, который рассматривает дела лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких международных преступлений, таких как геноцид, преступления против человечности и военные преступления. Действует МУС на основе упомянутого выше Римского статута, регламентирующего его юрисдикцию и функционирование. На сегодняшний день уже 122 государства ратифицировали Римский статут [1]. Однако остается неясным, до какой степени МУС может надлежащим образом осуществлять юрисдикцию в отношении миротворческих сил, особенно с учетом признания их «функционального иммунитета». В контексте миротворческих операций ст. 98(1) Римского статута требует согласия направляющего (аккредитующего) государства на отказ от иммунитета его миротворческих сил, прежде чем МУС сможет сделать запрос принимающему государству о передаче таких сил под юрисдикцию Суда. Среди государств, принимающих миротворческие операции, широкое распространение получила практика отказа от своего права на применение закона в отношении миротворческих сил

[4]. Ст. 98(1) постулирует однозначное признание такой практики, которую не может игнорировать даже МУС.

В свое время США подверглись жесткой критике в связи со своей практикой заключения двусторонних соглашений, предназначенных для обхода ст. 98(2) Римского статута и предотвращения уголовного преследования американских миротворческих сил за нарушения МГП. Эффект двустороннего соглашения между США (как аккредитуемого государства) и принимающим государством состоит в том, что требуется согласие Соединенных Штатов на то, чтобы их военный персонал мог быть передан в руки правосудия МУС.

Критика в отношении двусторонних соглашений обусловлена целью ст. 98(2) – предотвращение правовых коллизий, возникающих в результате уже заключенных соглашений, и недопущение вступления в силу новых соглашений, предназначенных исключительно для ограничения юрисдикции МУС.

И хотя индивидуальный иммунитет не действует при совершении серьезных нарушений Женевских конвенций и иных грубых нарушений МГП, неопределенность в отношении юрисдикции МУС и самой концепции персонального иммунитета в рамках Конвенции привела также к появлению неясности относительно способности международных и национальных судов привлекать миротворческие силы к ответственности за совершение указанных преступлений.

Список использованной литературы:

1. *Зверев П.Г.* Миротворческие операции ООН и Международный уголовный суд // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – № 3 (37).

2. Charter of the United Nations, opened for signature 26 June 1945 (entered into force 24 October 1945)

3. Convention on the Privileges and Immunities of the United Nations (opened for signature 13 February 1946, 1 UNTS 15, entered into force 17 September 1946).

4. *Fleck D.* Are Foreign Military Personnel Exempt from International Criminal Jurisdiction under Status of Forces Agreements? // Journal of International Criminal Justice. – 2003. – № 1. – P. 651, 667.

5. Rome Statute of the International Criminal Court (opened for signature 17 July 1998, UN Doc. A/CONF.183/9 (entered into force) 1 July 2002).

© П.Г. Зверев, 2014

УКД 34

Е.Е. Коновалова, старший преподаватель
кафедры гражданско – правовых дисциплин
Сибирского Филиала Международного института
Экономики и права г. Новокузнецк

ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ СОБЛЮДЕНИИ СРОКОВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РФ

Своевременности рассмотрения гражданского дела во многом зависит от соблюдения сроков в суде. В теории гражданского процессуального права сроки могут быть классифицированы на разные виды:

-по способу определения делятся на: установленные законом и назначенные судом (судьей, судебным исполнителем);

Установленные законом процессуальные сроки по четкости определения являются абсолютно определенными, относительно определенными (отсрочка или рассрочка оплаты судебных затрат на срок не более как до окончания рассмотрения дела в суде первой инстанции), неопределенными (не установлен срок рассмотрения судом заявления о снятии или уменьшении наложенного им процессуального штрафа).

Назначенные судом процессуальные сроки могут быть определены коллегиальным составом суда, судьей единолично и судебным исполнителем разной продолжительности в зависимости от сложности и места исполняемых процессуальных действий.

- по субъектам осуществления процессуальных действий процессуальные сроки делятся на: установленные суду (судье, судебному исполнителю); лицам, принимающим участие в деле; другим участникам процесса;

- по продолжительности процессуальные сроки определены от менее одного дня до более трех лет.

Казалось бы, законодатель полностью предусмотрел все возможные моменты, что бы обеспечить быстрое и полное рассмотрение дел в гражданском процессе, Но что же мы получаем на практике: Статья 2 ГПК РФ установила, что суд общей юрисдикции обязан правильно и своевременно рассмотреть и разрешить гражданское дело по существу. Данная норма соотносится с требованием п. 1 ст. 6 Европейской конвенции «О защите прав человека и основных свобод» 1950 г., согласно которой "каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях... имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона...".

Согласно ч. 1 ст. 154 ГПК РФ "гражданские дела рассматриваются и разрешаются судом до истечения двух месяцев со дня поступления заявления в суд, а мировым судьей до истечения месяца со дня принятия заявления к производству". Однако в силу ст. 133 ГПК РФ между датой поступления искового заявления в суд и до принятия заявления к производству может пройти до пяти дней (именно такой срок дается судье для разрешения вопроса о принятии искового заявления к производству суда). Думается, что такой подход, причем в рамках одной статьи ГПК РФ, недопустим. Часть 1 ст. 154 ГПК РФ следует изложить в следующей редакции: "Гражданские дела рассматриваются и разрешаются судом до истечения двух месяцев, а мировым судьей до истечения месяца со дня принятия заявления к производству".

Так же согласно статьи 133 ГПК РФ судья обязан вынести определение о принятии искового заявления к рассмотрению, оставления его без движения или оставление заявления без рассмотрения. В данном случае так же возникает проблема, в случае, если у судьи имеются основания, для вынесения определения об оставлении заявления без движения то в действие вступает статья 136, в которой прописано, что лицу предоставляют разумные сроки для исправления недостатков в исковом заявлении, что же происходит на практике? Как правило, судья, соблюдая законодательство, предоставляют 10-15 дней на исправление недостатков в исковом заявлении. Определение отправляется по почте, совместно с сопроводительным письмом и чаще всего письмо доходит до адресата по истечению срока для исправления недостатков, предоставленного судом. Это вызывает не только негатив со стороны лица подавшего заявление, но и как следствие еще большее затягивание сроков для рассмотрения дела, так как при не исправлении недостатков в

установленные сроки судья обязан вынести определение об оставлении дела без рассмотрения и направить весь пакет документов обратно лицу подавшему данное исковое заявление. Заявитель ждет весь пакет документов, уже направленных по почте. А ведь иногда для принятия дела к производству нахватает всего лишь подлинника квитанции об оплате государственной пошлины.

В качестве решения данной проблемы можно внести в закон оговорку, что в случае незначительных (дать четкую формулировку в законе данному понятию) нарушений при подачи искового заявления, обязать суд не только направлять определение по почте, но и сообщать о недостатках в исковом заявлении по телефону, с возможным составлением телефонограммы.

Следующей проблемой при соблюдении сроков ГПК РФ является то, что не так давно законодатель внес изменения в процедуру апелляции. Согласно статье 321 ГПК РФ жалоба может быть подана в течении месяца, надо отметить что ранее данный срок представлялся в течении десяти дней. Казалось бы, законодатель улучшил условия для лиц желающих подать жалобу на решение суда, предоставив им более длительный срок на обдумывание и составление своей жалобы, но что же происходит на практике? Очень часто стороны сталкиваются с тем что несмотря на сроки дело рассматривается не месяц не два, а в некоторых случаях даже не год и вот наконец когда решение вынесено стороны должны вздохнуть облегченно-справедливость восторжествовала, и очень часто они согласны с решением суда, но здесь их ждет неприятный сюрприз- решение не может быть исполнено – пока не вступит в законную силу, а именно стороны смогут в действительности реализовать свои права не ранее чем через месяц- если это не решение заочного производства, в последнем случае еще позже. Как следствие возникает вопрос, зачем потребовалось увеличивать срок на обжалование, ведь по статистике, ранее все лица желающие подать жалобу укладывались в десятидневный срок.

Подводя итог, надо отметить, что проблемы указанные в данной статье не являются исчерпывающими, и возможно законодатели при внесении новых изменений будут принимать решения не только на теоретическом уровне, но и учтут мнение практиков, ведь закон должен работать во благо тех лиц, которые нуждаются в его практическом применении.

© Е.Е. Коновалова 2014

УДК 342.7

И.А.Курильская
Студент 2 курса Юридического факультета
Санкт-Петербургского
Государственного университета

КОНСТИТУЦИОННАЯ ЖАЛОБА В ПРАКТИКЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ СУДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОБЪЕКТЫ ОСПАРИВАНИЯ

Защита прав и свобод личности может осуществляться в правовом государстве. Идеи о становлении и развитии правового государства в России появились еще в 19 веке. Однако только в 1993 году в Конституции РФ впервые было закреплено положение о том, что Российская Федерация является правовым государством. Из

этого вытекает следующее: человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение, и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства (статья 2 Конституции РФ).

Осуществление норм основного закона, в частности соблюдение прав и свобод человека и гражданина, а также их прямое действие возможно только при конституционном контроле. Главной функцией конституционного контроля является защита прав и свобод человека и гражданина, их восстановление в случае нарушения. Специфическим способом защиты является рассмотрение конституционными судами жалоб граждан. Такую защиту в Российской Федерации осуществляют Конституционный Суд РФ и конституционные (уставные) суды субъектов РФ.

В данной работе поставлены и решаются следующие задачи:

- выявить в каких субъектах РФ граждане обладают правом подачи конституционной жалобы;
- определить понятие «закон» и выявить перечень нормативно-правовых актов, подлежащих оспариванию.

Важным является то, что Конституция РФ связывает жалобу с законом. В соответствии с частью 4 статьи 125 Конституции РФ Конституционный Суд РФ проверяет конституционность закона.[1] Аналогичная формулировка содержится в статье 96 Закона о Конституционном Суде РФ.[2] Однако, понятие «закон» необходимо толковать расширительно. Перечень нормативно-правовых актов, подлежащих оспариванию, расширен в практике Конституционного Суда РФ. Конституционный контроль распространяется в первую очередь на: федеральные конституционные законы и федеральные законы; конституции или уставы, законы субъектов.

Также согласно Постановлению КС РФ от 5.07.2001 №11-П оспариванию могут подлежать постановления об объявлении амнистии. Постановление Государственной Думы ФС РФ, которым объявляется амнистия, является уникальным нормативно-правовым актом в сравнении с постановлениями Государственной Думы ФС РФ по другим вопросам. Такое постановление имеет особую конституционную природу. Постановление об объявлении амнистии допускает отказ от реализации ранее примененных или подлежащих применению норм Уголовного Кодекса РФ, что не может быть осуществлено нормативным актом, не приравненным по уровню к закону. Следовательно, Постановления Государственной Думы ФС РФ об объявлении амнистии по своему уровню и материально-правовому содержанию приравнены к принимаемым Государственной Думой законам. [3]

Постановление КС РФ от 27.01.2004 №1-П предусматривает возможность обжалования постановлений Правительства РФ, если оно принято во исполнение полномочия, возложенного на него непосредственно федеральным законом по вопросу, не получившему содержательной регламентации в этом законе. Если имеется прямая нормативная связь постановления с федеральным законом и если данные акты применены или подлежат применению в конкретном деле в неразрывном единстве, то Конституционный Суд может признать допустимой жалобу гражданина на нарушение его конституционных прав и свобод, в котором оспаривается конституционность как федерального закона, так и нормативного акта Правительства РФ. [4]

Следует добавить, что объектом конституционного контроля могут быть законы, отмененные или утратившие силу. В Определении КС РФ от 5.02.1998 № 11-О говорится об условиях, при которых возможна проверка такого закона. Если оспариваемым законом, примененным в конкретном деле, нарушены конституционные права и если производство

по жалобе гражданина начато до момента утраты силы или отмены оспариваемого им закона. Отсутствие одного из условий влечет отказ в принятии жалобы. [5] В зависимости от развития общественных отношений, Конституционный Суд РФ вправе и дальше расширять круг обжалуемых нормативно-правовых актов, затрагивающих конституционные права и свободы.

Далее следует рассмотреть круг обжалуемых нормативных правовых актов в конституционных (уставных) судах субъектов РФ.

Наиболее широкий перечень обжалуемых актов содержит Закон Республики Татарстан «О Конституционном Суде республики Татарстан». В соответствии со статьей 100 данного закона оспариванию могут подлежать законы республики Татарстан, нормативно правовые акты Президента Республики Татарстан и кабинета министров Республики Татарстан, органов местного самоуправления.[6] Согласно проведенному анализу постановлений, в Суде оспариваются не только Законы республики, но и Постановления Кабинета Министров и органов местного самоуправления. Нормативно правовые акты Президента Республики Татарстан предметом оспаривания в Конституционном Суде РФ не являлись.

Законодательство Республик Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия (Алания) предусматривают нарушения конституционных прав и свобод только законами соответствующих республик и иными нормативно правовыми актами. В законах вышеуказанных республик отсутствует конкретизация таких нормативных правовых актов. Это могут быть нормативно-правовые акты, как Президента республики, так и нормативные правовые акты органов государственной власти и местного самоуправления. Конкретизация данного перечня может быть осуществлена в результате судебной практики и расширительного толкования нормы.

В республиках Коми [7] и Марий-Эл [8] оспариванию могут подлежать нормативные правовые акты по вопросам, относящимся к ведению органов государственной власти республики или совместному ведению органов государственной власти республики и органов государственной власти РФ, а также по вопросам, относящимся к ведению органов местного самоуправления. В данном случае круг актов несколько шире, что дает большую гарантию для восстановления нарушенного права.

В республике Бурятия обжаловать можно закон республики, нормативный правовой акт органа государственной власти республики, органа местного самоуправления.[9] Конституционный Суд Республики Башкортостан рассматривает вопрос о нарушении прав и свобод человека нормативным правовым актом органа государственной власти, органа местного самоуправления. [10] Законодательство республики Чечня [11] и Санкт-Петербурга [12] позволяет обжаловать только закон соответствующего субъекта РФ.

Таким образом, деятельность Конституционного Суда РФ и конституционных (уставных) судов субъектов РФ приобретает особое значение, в качестве судебных органов конституционного контроля, которые осуществляют судебную защиту граждан. В действующем Законе о Конституционном Суде РФ содержится ряд пробелов. Но следует отметить, что данные пробелы восполняются самим Конституционным Судом РФ посредством формирования правовых позиций. Оптимизация деятельности по защите прав граждан в виде помощи в работе конституционных (уставных) судов субъектов РФ будет существенно улучшать процесс конституционного надзора. Институт конституционной жалобы будет оправдывать себя только в том случае, если принятые по этому делу решения действительно будут восстанавливать нарушенные права человека и гражданина.

Список использованной литературы:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993).
2. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 05.04.2013) «О Конституционном Суде Российской Федерации»// «Собрание законодательства РФ», 25.07.1994, № 13, ст. 1447.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.07.2001 № 11-П «По делу о проверке конституционности Постановления Государственной Думы от 28 июня 2000 года N 492-III ГД «О внесении изменения в Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов» в связи с запросом Советского районного суда города Челябинска и жалобами ряда граждан»// «Собрание законодательства РФ», 16.07.2001, N 29, ст. 3059
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.01.2004 № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 2 части первой статьи 27, частей первой, второй и четвертой статьи 251, частей второй и третьей статьи 253 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Правительства Российской Федерации»// «Собрание законодательства РФ», 02.02.2004, № 5, ст. 403.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 05.02.1998 № 11-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ивановой Ии Ефимовны на нарушение ее конституционных прав статьей 108 Гражданского кодекса РСФСР 1964 года»//Документ опубликован не был.
6. Закон РТ от 22.12.1992 № 1708-ХП (ред. от 03.12.2009) «О Конституционном суде Республики Татарстан»//«Ведомости Государственного Совета Татарстана», 1998, № 11, ст. 312.
7. Закон Республики Коми от 31.10.1994 № 7-РЗ (ред. от 04.03.2014) «О Конституционном Суде Республики Коми» (принят ВС РК 12.10.1994)// «Ведомости Верховного Совета Республики Коми», 1994, № 11, ст. 160.
8. Закон Республики Марий Эл от 11.03.1997 № 14-З (ред. от 23.10.2013) «О Конституционном суде Республики Марий Эл» (принят Госсобранием РМЭ 27.02.1997) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.01.2014)// «Марийская правда», № 51, 19.03.1997.
9. Закон Республики Бурятия от 25.10.1994 № 42-И (ред. от 13.12.2013) «О Конституционном Суде Республики Бурятия»// «Ведомости Народного Хурала Республики Бурятия», № 2, 1995.
10. Закон Республики Башкортостан от 27.10.1992 № ВС-13/7 (ред. от 14.07.2010) «О Конституционном Суде Республики Башкортостан»// «Ведомости Государственного Собрания - Курултая, Президента и Правительства Республики Башкортостан», 2004, № 3(177), ст. 91.
11. Конституционный Закон Чеченской Республики от 24.05.2006 № 2-РКЗ (ред. от 31.12.2010) «О Конституционном Суде Чеченской Республики»// «Вести Республики», № 43 (405), 30.05.2006.
12. Закон Санкт-Петербурга от 05.06.2000 № 241-21 (ред. от 19.02.2014) «Об Уставном суде Санкт-Петербурга» (принят ЗС СПб 24.05.2000)// «Новое в законодательстве Санкт-Петербурга», № 9, 28.06.2000.

ЗНАЧЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОГО ПРАВА

Проводимый руководством Российской Федерации курс на формирование правового государства требует переоценки самой концепции административно-деликтного права, разработки иных подходов к претворению в жизнь базовых положений административной политики. Ни для кого не секрет, что правовая защита индивида невозможна без охраны установленного общественного порядка, гарантирующего свободное и полное развитие личности. Следовательно, в условиях правового государства юридическая ответственность приобретает двойную направленность: и на защиту прав и свобод личности, и на надежную охрану общественного правопорядка от правонарушений.

Общеизвестно, что административные правонарушения - самые распространенные из всех видов противоправных деяний. При этом их наибольший прирост приходится, как правило, на времена политической или экономической нестабильности. Именно такой период переживает наша страна сейчас, что лишний раз подчеркивает актуальность рассматриваемого вопроса.

Из всех видов административного принуждения именно административное наказание обладает способностью самым непосредственным образом задевать правовой статус субъекта общественных отношений. Наряду с этим в правовом государстве административное наказание призвано выполнять не только карательную функцию, но и своего рода выступать гарантом должного признания, соблюдения и защиты прав человека и гражданина, их объединений. Вместе с тем, анализ изменений, внесенных за последние годы в КоАП РФ, свидетельствует о возрастании репрессивной составляющей административных наказаний, число которых за время действия нынешнего административно-деликтного закона возросло. Сей факт не остается незамеченным отечественными административистами, которые все чаще выступают за серьезное реформирование упомянутого закона. В частности, А.Ф. Быстрянец указывает на то, что целью административного наказания, декларируемой в ст. 3.1. КоАП РФ, является предупреждение новых правонарушений, однако существующая практика, а также характер вносимых в санкции статей особенной части изменений, заставляет усомниться в правдивости этой цели [1, с. 174]. Далее автор пишет, что если проанализировать материалы, в которых органы исполнительной власти отчитываются по результатам своей работы, без особого труда можно заметить, что суммы взыскиваемых административных штрафов в подавляющем большинстве случаев имеют гораздо более существенное значение, нежели прочие показатели.

Нельзя не отметить весьма значительные статистические показатели применения такого исключительного вида наказания, как административный арест. Очевидно, что КоАП РФ в последнее время расширил сферу применения административного ареста, а также ужесточил предусмотренные этим наказанием ограничения. В частности это проявляется в том, что в отличие от КоАП РСФСР 1984 года, который предусматривал арест в качестве вида наказания лишь в санкциях семи статей особенной части, КоАП РФ увеличил этот перечень до трёх десятков статей [2, с. 6]. По нашему мнению, так как арест связан с ограничением прав и свобод человека, юридические нормы, регламентирующие порядок его назначения, должны

быть максимально оптимизированы и применяться только в особых случаях, когда иные виды наказания не в состоянии обеспечить достижение целей административного наказания.

Далеко не всегда упомянутые цели могут быть достигнуты только путем обязательного назначения того или иного вида административного наказания. Так, согласно ст. 2.9. КоАП РФ, при малозначительности административного правонарушения компетентное должностное лицо имеет право освободить совершившее административное правонарушение лицо от ответственности, объявив ему при этом устное замечание. Безусловно, это весьма действенная профилактическая мера, которая, в отличие от предупреждения, не является наказанием, а значит, не влечет за собой отрицательных юридически значимых последствий. Однако нынешний административно-деликтный закон не раскрывает критериев малозначительности, позволяя правоприменителю самостоятельно решать вопрос о назначении административного наказания либо об освобождении лица от ответственности. Все это, по мнению Г.М. Черняева, приводит на практике к многочисленным случаям прекращения дел об административных правонарушениях, характер и степень общественной вредности которых явно не коррелирует с объективными критериями малозначительности [3, с. 281]. Поэтому для обеспечения прозрачности административных процедур при реализации норм о малозначительности, а также в целях соблюдения законности и справедливости, необходимо выработать единообразный подход к понятию малозначительности административного деликта и его юридической фиксации в виде соответствующей нормы административно-деликтного закона.

Список использованной литературы:

1. Долгих И.П., Быстрянец А.Ф. О перспективах отечественного административно-деликтного законодательства // Наука и технологии в современном обществе: материалы Международной научно-практической конференции (Уфа, 28-29 марта 2014 г.): в 2-х ч. Часть II. – Уфа: РИО ИЦИПГ, 2014. – 208 с.

2. Долгих И.П., Черняев Г.М., Шебанов Д.В. Административный арест: доводы «за» и «против» // Проблемы и перспективы современного права: сборник статей Международной научно-практической конференции 4 марта 2014 г.: отв. ред. А.А. Сукиасян. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – 84 с.

3. Долгих И.П., Черняев Г.М. К вопросу о малозначительности административных правонарушений // Актуальные вопросы развития науки: сборник статей Международной научно-практической конференции. 14 февраля 2014 г.: в 6 ч. Ч. 6 / отв. ред. А.А. Сукиасян. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – 314 с.

© А.В. Нечушкин, 2014

УДК 34

Н. В. Павлова, Старший преподаватель кафедры права и правоохранительной деятельности
Поволжский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации,
г. Энгельс, Российская Федерация

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРАТУРЫ В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА

Своеобразной вехой в истории развития и становления российской прокуратуры считается принятие Александром I Манифеста «Об учреждении Министерств» [6, С.204] в

сентябре 1802 г., согласно которому должность Генерал-прокурора была соединена с должностью министра юстиции.

К концу XVIII века высшие органы Российской империи, в частности деятельность Сената, наделенного универсальной компетенцией в сфере законодательства, управления и суда, привела на деле к его чрезмерной перегрузке делами самого различного характера и к удручающе медленной скорости их разрешения. Рассмотрение и разрешение законодательных, управленческих и иных дел растягивалось на месяцы и годы. В письме В.П. Кочубею 10 мая 1796 г. Александр I писал: «Наши дела находятся в невообразимом беспорядке, грабят со всех сторон, все департаменты управляются дурно - порядок, кажется, изгнан отовсюду» [10, С.266]. Противоречивым был и правовой статус многих учреждений. Вся система высших государственных органов нуждалась в четкой систематизации и юридической регламентации.

Проведение реформ Александром I было вызвано необходимостью преобразований администрации, системы управления в целом. «Реформа должна начаться с управления... Перед тем как привести в действие конституцию необходимо упорядочить свод законов таким образом, чтобы он стал ясным, последовательным и понятным от начала до конца, чтобы, поняв его, каждый хорошо знал свои права и не надеялся на поблажку. Только после этого шага конституция может вступить в действие» [8, С.7].

Императором неоднократно высказывалось мнение о том, что образование министерств было направлено на укрепление «... благоденствие народа» посредством применения спасительных средств для «отвращения всех причин, могущих подать повод к нарушению общего и частного спокойствия, открывать нужды народа, предупреждать их, и благоразумно, ревностно и деятельно способствовать соблюдению и утверждению необходимого во всем порядка...» [6, С.243].

Взаимодействие министра юстиции в лице генерал-прокурора с образованными министерствами и сенатом были крайне противоречивы и сложны. Особенностью данного манифеста явилось то, что должность министра юстиции по-прежнему определялась «...на основании инструкции генерал-прокурора», что по-нашему мнению вызывает противоречие. С одной стороны, генерал-прокурор, продолжающий действовать на основании прежних инструкций, был поставлен независимо от сената с надзорными полномочиями за его деятельностью, а с другой, став министром он попал под контроль сената, который полномочен был «...рассматривать деяния Министров по всем частям их управлению вверенным, и по надлежащем сравнении ... с государственными постановлениями и с донесениями прямо ... делать свои заключения и представлять нам докладом» [6, С.244]. На практике полномочия генерал-прокурора были значительно сокращены, и он уже не представлял генерал-прокурора времен Петра I.

Предметом деятельности губернского прокурора и состоящих при нем для помощи стряпчих было осуществление непосредственного надзора за исполнением законов в губернских местах, непосредственным начальником которых выступал непосредственно министр юстиции. Если говорить о статусе губернского прокурора, то в действительности он не являлся лицом независимым. Так, губернский прокурор обязан был о всех замеченных им злоупотреблениях и беспорядках «доносить немедленно губернскому начальству, а в некоторых определенных случаях и министру юстиции». Требование сообщать о «замеченных беспорядках» непосредственно губернатору, а не министру юстиции в известной мере ставило прокурора в какую-то зависимость от «хозяина губернии». Кроме того, губернские стряпчие, непосредственные помощники прокурора, в прямом смысле слова находились не только в зависимости, но даже и в подчинении у губернского начальства. «Губернскому правлению, - указывалось в «Своде учреждений

государственных и губернских», - подчиняются губернские стряпчий токмо в отношении к возлагаемым на них губернским начальством комиссиям или поручениям» [9, С.2305, 2331].

На деле зависимость проявлялась гораздо сильнее. В рассматриваемый период значение Министерства внутренних дел, к ведомству которого принадлежали губернаторы, было неизмеримо большим, нежели Министерства юстиции.

Так Н. М. Колмаков, служивший в Министерстве юстиции, в своих воспоминаниях приводит один любопытный разговор с министром внутренних дел, относящийся к середине 50-х годов. «Я, - рассказывает он, - как чиновник, командированный от Министерства юстиции для занятий в Министерстве внутренних дел, представлялся бывшему тогда в последнем министру Сергею Степановичу Ланскому.

Разговаривая со мной, Ланской спросил меня: «Ну что там Ваш Виктор Никитич? Все судит да рядит, а мы все-таки будем ездить по-своему». При этом Ланской, раскрыв два пальца правой руки и образовав из них рогульку, положил ее на один палец левой руки, а потом, подымая и опуская ее несколько раз, делал движение наподобие конного ездока. «Вот так, вот так, - твердил, улыбаясь, добродушный министр, - мы ездим на Вашей юстиции» [3, С.530].

О зависимости прокуроров от губернаторов упоминается и в донесениях штаб-офицеров корпуса жандармов в III отделении. Так, жандармский штаб-офицер писал о вологодском губернском прокуроре И. П. Делло: «Сколько можно заметить, чрезвычайно кропотлив в делах, робко действующий по своей должности, соглашаясь всегда с волей и намерениями начальника губернии». Владимирский штаб-офицер корпуса жандармов характеризовал губернского прокурора П. И. Шкляревича как пьяницу, который «хотя по утрам и бывает трезв, но все более сидит в своей прокурорской комнате и редко посещает другие присутственные места, протестов же против неправильных решений дел почти никогда не делает, почему все чиновники, начиная от самого губернатора, им довольны, но имеющие тяжбу не находят в нем никакого покровительства». О моголевском губернском прокуроре Найденове жандармский офицер сообщает, что он «старается угодить и начальству, и просителям», в силу чего «на дела имеет слабое влияние, в обществе же никакого» [2, С.169].

Функции прокуратуры были достаточно широки, за ними сохранялась функция надзора в местах лишения свободы. В частности, прокуроры наблюдали, чтобы кто-либо не содержался под стражею без постановления уполномоченных на то мест и лиц или не в надлежащем месте заключения, а также принимали меры к восстановлению порядка. Справедливо высказывание Н.В. Муравьева: «Всякая переписка в настоящем случае требует времени; там же, где дело идет об освобождении неправильно заключенного под стражу, где человек лишен свободы и терпит одно из величайших стеснений личности, очевидно, не может быть допущено ни малейшей проволочки, и закон, гарантирующий личную неприкосновенность граждан, должен быть немедленно восстановлен теми лицами, которые призваны стоять на страже закона» [5, С.5].

Также прокуроры наблюдали за размещением подследственных арестантов и успешным ходом арестантских дел, имели право беспрепятственного входа в тюрьмы гражданского ведомства, рассматривали прошения заключенных. В ходе рассмотрения дел в суде первой инстанции прокурор выступал со стороны, представляющей государственное обвинение, был вправе приносить протест на приговор, постановленный с нарушением закона.

Однако как отмечал Ф.А. Кони «история министерства юстиции с тридцатых до шестидесятых годов представляла немало примеров энергичной борьбы губернских прокуроров с местными злоупотреблениями. Борьба эта не всегда была успешна, но само

уже возникновение ее, основанное на предписании закона, определявшего обязанности губернского прокурора, действовало благотворно, не говоря уже о тех случаях, когда последствиями ее являлись сенаторские ревизии, несшиеся, как грозовые тучи, на местность, пораженную правового засухою... Бог знает, сколько тягостных пререканий где голос оскорбленных самолюбий и властолюбий заглушает ропот искажаемой истины, было бы устранено, сколько окольных путей для жалоб и взаимных обвинений «поросло бы травой забвения», если бы в широкие рамки обязанностей губернского прокурора была в 1864 году влита энергия тех молодых и полных любви к делу сил, которые обречены были упражнять свое стремление к законности и талантливое трудолюбие исключительно на обвинительном поприще» [4, С.8-9].

В своей деятельности прокурорам того времени «...нужно было много такта и умной настойчивости, чтобы охранять закон и исполнять свои обязанности «невзирая на лица» [4, С.9]. В частности, губернскому прокурору Д. Ровинскому в своих работах по судебному преобразованию, не раз приходилось обращаться с суровыми укоризнами к генерал-губернаторской власти в том виде, в каком ее на тот момент понимал и практиковал генерал-губернатор А. А. Закревский, который «...творил суд и быструю расправу по-своему, не стесняясь законом...» [4, С.9].

Функции уголовного преследования в ходе судебной реформы 1864 г. было уделено особое внимание, тогда как надзор за исполнением законов органами государственного управления из сферы деятельности прокуратуры был исключен, хотя в последующем отдельные его элементы были введены в прокурорскую практику.

Последствия утраты прокуратурой надзорной функции в сфере обеспечения законности в административной деятельности в определенной мере были сведены к наделению прокуроров полномочиями по участию в рассмотрении судами гражданских дел. Устав гражданского судопроизводства [7, С.41477] предоставлял прокурору достаточно широкие возможности защиты от имени государства прав и законных интересов граждан, которые могли быть нарушены действиями органов власти. В частности, прокурор был обязан участвовать и давать в суде заключение по делам о взыскании за вред и убытки по делам, связанным с решениями о выдаче свидетельств на право бедности, лиц, не достигших совершеннолетия, глухонемых, по делам казенного управления и др. [7, С.41477]. Но, тем не менее, главным судьей в области защиты прав и свобод граждан оставалась правительственная власть царской России.

Считаем необходимым отметить, что даже прокуроры не были лишены элементов взяточничества, коррупции... Так, в Министерстве юстиции, рассказывает в воспоминаниях служащий этого министерства чиновник В. В. Берви-Флеровский, существовала касса, «куда поступают все взятки, выплачиваемые разными людьми. Они распределяются между служащими, смотря по чину и занимаемой должности» [1, С.23].

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что ситуация в России не давала оснований для отказа от надзорной функции прокуратуры несмотря на то, что работа в данном направлении не всегда была успешной, так как сфера деятельности была сведена к делам судебного ведомства, к наделению прокуроров полномочиями по участию в рассмотрении судами гражданских дел, а протесты прокуроров о нарушениях закона и, следовательно, прав граждан не поощрялись и на деле приводили к столкновениям с другими ведомствами.

Прокуратура стремилась стать более самостоятельной и независимой от местных властей, она получила достаточно широкие полномочия, но не всегда удавалось в полном объеме с соблюдением требований закона и обстоятельств реализовывать эти полномочия.

Список используемой литературы:

1. Берви-Флеровский, В. В. Три политические системы: Николай I, Александр II, Александр III. Воспоминания. [Текст] / В. В. Берви-Флеровский. - Лондон, 1897.
2. Зайончковский, П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в [Текст] / П. А. Зайончковский. - М., Мысль, 1978.
3. Из воспоминаний Н. М. Колмакова [Текст] // Русская старина. 1886. № 12.
4. Кони А.Ф. Дмитрий Александрович Ровинский [Текст] / А. Ф. Кони // Собр.соч. Т.5., Изд-во «Юридическая литература». - М., 1968.
5. Муравьев, Н. В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Т.1 [Текст] / Н. В. Муравьев. - М., 1889.
6. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. 27. (1802-1803).
7. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 39.
8. Приходько, М. А. Подготовка и разработка министерской реформы в России (февраль-сентябрь 1802 г.) [Текст] / М. А. Приходько. – М.: Компания Спутник +, 2002.
9. Свод учреждений государственных и губернских, ч. 2. СПб., 1842.
10. Шильдер, Н. К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование [Текст] / Н. К. Шильдер. - СПб., 1897-1904. Т. 1.

© Н. В. Павлова, 2014

УДК 34

И.А. Рогозин

Магистрант Института права
Самарского государственного экономического университета
Г. Самара, Российская Федерация

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ КРЕДИТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

В соответствии с законом кредитные организации могут создаваться только в форме хозяйственных обществ, соответственно, любая кредитная организация будет являться коммерческой организацией, как правило, негосударственной. Под организацией понимается объединение физических лиц любой численности, возглавляемое своими органами управления, имеющее обособленное имущество, созданное для производства материальных или духовных ценностей, а также реализации иных потребностей его членов [1, с. 331]. Негосударственные организации действуют в пределах административно-правового режима, характерного для всех предприятий независимо от их организационно-правовых форм, а роль государства по отношению к ним проявляется в установлении правовых норм и контроле за их соблюдением [1, 338].

В то же время, являясь коммерческой организацией и тем самым полностью реализуя ее административно-правовой статус, кредитные организации имеют и особый статус, связанный с особым видом деятельности, которую они осуществляют, а именно – с банковской деятельностью, имеющей значение для функционирования всего государства в целом. В связи с этим у кредитных организаций есть отличительные особенности, выражающиеся в выполнении определенных публичных функций. В административном праве встречается деление субъектов административного права на публичных и частных [2, с. 59].

Исходя из этого, возникает вопрос, к каким субъектам административного права – частным или публичным – следует относить кредитные организации. Данный вопрос также актуален в связи с развитием теории юридических лиц публичного права, поэтому необходимо выяснить, могут ли кредитные организации быть юридическими лицами публичного права.

В юридической литературе [3, с. 8] дискуссии по вопросу о разграничении публичного и частного права находят свое продолжение в полемике о критериях разграничения юридических лиц публичного права и юридических лиц частного права. Однако в современном отечественном правоведении вопрос о подразделении юридических лиц на публичные и частные остается открытым.

В литературе отмечается, что исследование проблемы юридического лица в административном праве невозможно без концептуального осмысления его понятия на общетеоретическом уровне, без выявления общих признаков юридического лица, свойственных юридическим лицам как частного, так и публичного права [4, с. 46].

К числу наиболее значимых критериев разграничения этих двух видов юридических лиц в зарубежной доктрине, как правило, относятся следующие: а) критерий цели; б) критерий наличия властных полномочий; в) критерий образования или государственного вмешательства; г) критерий формы; д) критерий интегрированности в государственную организацию; е) плюралистический критерий [5, 33].

В соответствии с критерием публичных полномочий, или «критерием *impetium*» юридическое лицо публичного права характеризуется его участием в более или менее прямой форме в осуществлении властной деятельности, типичной для государства. Действующее законодательство о банках и банковской деятельности предоставляет публичные полномочия кредитным организациям (ст. 9 Федерального закона от 2 декабря 1990г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности») [6].

Согласно критерию образования или государственного вмешательства различие юридических лиц проводится по способу создания. Считается, что юридические лица публичного права создаются государством, муниципальным образованием или иным публично-правовым образованием, например провинцией.

В соответствии с критерием формы показателем разграничения публичных и частных юридических лиц является их организационно-правовая форма. Критерий интегрированности в государственную (публичную) администрацию. Согласно этому критерию к частным юридическим лицам следует относить такие организации, которые государство стремится «вывести», вынести за пределы своей собственной административной организации.

Как отмечает О.А. Ястребов, анализ имеющихся в доктрине критериев разграничения юридических лиц на публичные и частные имеет принципиальное значение для выяснения сущности юридического лица публичного права и определения объема обозначающего его понятия. Это обусловлено тем, что в основе выделяемых критериев в значительной мере лежат признаки, которые характеризуют специфику именно юридических лиц публичного права [5]. Под юридическими лицами публичного права в литературе предлагают понимать организации, которые, наряду с гражданской правосубъектностью, обладают еще и публично-властными полномочиями, что отличает их от обыкновенных юридических лиц (или юридических лиц частного права) [7, с. 101-111].

Таким образом, кредитные организации не относятся, по мнению В.Е. Чиркина, к юридическим лицам публичного права. Специалисты в области финансового права под юридическим лицом публичного права предлагают понимать особую характеристику, в соответствии с которой юридическое лицо независимо от формы собственности,

организационно-правовой формы и сферы деятельности по инициативе государства или муниципальных образований наделяется определенным объемом компетенции для участия в реализации публичных интересов [8, с. 15].

При этом С.В. Рыбакова обосновывает вывод о наличии у кредитных организаций признаков юридического лица публичного права в случае наделения их правообязанностью (компетенцией) для решения задач и выполнения функций государства и муниципальных образований. В основном это связано с их деятельностью в сфере публичного финансового контроля и надзора. При этом, по мнению автора, если кредитные организации для участия в финансовых правоотношениях наделяются только правами или только обязанностями, то они выступают как субъекты публичного права, но не обладают при этом полноценным статусом юридического лица публичного права [8].

Таким образом, следует сделать вывод, что кредитные организации в случае наделения их публичными полномочиями могут обладать некоторыми признаками юридического лица публичного права, однако все же им не являются.

Список использованной литературы:

1. Бахрах Д.Н. Административное право: учеб. / Д.Н. Бахрах, Б.В. Россинский, Ю.Н. Стариков. 3-е изд., пересмотр. и доп. М., 2008.
2. Ястребов О.А. Проблемы классификации публичных субъектов административного права // Закон и право. 2010. № 3.
3. Лавернюк А.В. Субъекты публичного права: теоретико-правовое исследование: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
4. Ястребов О.А. Проблема отраслевой принадлежности юридического лица в российском правоповедении // Юридический мир. 2010. № 4.
5. Ястребов О.А. Критерии разграничения юридических лиц в публичном и частном праве // Российский судья. 2010. № 4.
6. Российская газета. 1996. 10 фев.
7. Усков О.Ю. Юридические лица публичного права: понятие и виды // Журнал российского права. 2010. № 6.
8. Рыбакова С.В. Теоретические основы регулирования деятельности кредитных организаций как субъектов современного финансового права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2010.

© И.А. Рогозин, 2014

УДК 34

И.А. Рогозин

Магистрант Института права
Самарского государственного экономического университета
Г. Самара, Российская Федерация

ПРАВОМЕРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ОБОСНОВАННОГО ОТКАЗА В ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ СОЗДАНИЯ, РЕОРГАНИЗАЦИИ И ЛИКВИДАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Положения действующего российского законодательства, регулирующего процессы государственной регистрации различных коммерческих и некоммерческих организаций в

качестве юридических лиц, устанавливают определенные основания для правомерного отказа в государственной регистрации юридических лиц. Перечень достаточных оснований для отказа в государственной регистрации является исчерпывающим и потому не может подлежать расширительному толкованию. В основном он установлен в ст. 23 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [1; 2].

Решение регистрирующего органа государства об отказе в государственной регистрации юридического лица должно быть фактически и законодательно обоснованным и принято не позднее пятидневного срока в соответствии со ст. 8 Федерального закона № 129-ФЗ. Оно должно быть направлено лицу, указанному в заявлении о государственной регистрации юридических лиц с уведомлением о вручении такого решения для возможного обжалования его в судебном порядке.

В российской правоприменительной практике бывают случаи, когда регистрационные органы государства отказывают в государственной регистрации того или иного создаваемого коммерческого или некоммерческого общества или организаций на том основании, что учредители забыли представить им те или иные предусмотренные законом документы или сведения [3, с. 6], либо допустили какие-то юридические недочеты. В таких случаях отказа регистрирующих органов российские суды, как правило, выносят решения о необоснованности подобных отказов в государственной регистрации юридических лиц, поскольку такие нарушения являются легко устранимыми и потому не входят в исчерпывающий перечень правомерных оснований для отказа, которые предусмотрены в ст. 23 Федерального закона № 129-ФЗ [4, с. 27]. Об этом свидетельствует также Письмо министерства РФ по налогам и сборам от 17 марта 2004г. № 09-1-03/1091 «О неправомерности отказа в государственной регистрации юридического лица на основании отсутствия сведений о проверке полномочий заявителя – руководителя постоянно действующего исполнительного органа юридического лица» [5].

Обобщая итоги вышесказанного, отметим, что для предотвращения неправомерного и не обоснованного отказа работников налоговых (регистрирующих) органов от государственной регистрации юридических лиц необходимо законодательно установить их должностную обязанность в кратчайший срок и письменно обосновать кажущееся им существенное несоответствие представленных заявителями учредительных и иных документов действующим нормативным стандартам. Это предположительно даст заявителям-учредителям юридических лиц дополнительную возможность своевременного обжалования неправомерных действий регистрационных работников в вышестоящие или судебные органы для предотвращения волокиты и привлечения безответственных должностных лиц регистрирующих органов к юридической ответственности [6].

В то же время следует отметить, что прослеживается также и тенденция законодательного усложнения процедуры создания и государственной регистрации юридических лиц посредством существенного повышения требований к представляемым в регистрирующие органы государства документам и сведениям. Было бы целесообразным передать функции по государственной регистрации юридических лиц от Федеральной налоговой службы РФ уполномоченным органам Министерства юстиции РФ, которые еще до государственной регистрации юридических лиц, внесения изменений в учредительные документы подлежащих юридическим лицам обязаны будут проверять достоверность представленных им документов и сообщений. При этом предполагается, что количество предусмотренных законом оснований для отказа в государственной регистрации юридических лиц вырастет от 2 до 7 раз.

Список использованной литературы:

1. Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // СЗ РФ. 2001. № 33. Ст. 3431.
2. Письмо МНС РФ от 10 июля 2003 г. № 09-1-02/2710-Э183 «Об основаниях признания юридического лица незарегистрированным или ликвидированным, в случае непредставления сведений в регистрирующий (налоговый) орган в соответствии с требованиями Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц».
3. Люльев, Д.В. Анализ практики отказов в регистрации юридического лица // Российская юстиция. 2007. № 2.
4. Бойцов, Г.В. Регистрация юридических лиц: юридическо-правовой справочник / Г.В. Бойцов, М.Н. Долгова, А.Г. Коровин. Москва, 2005.
5. Письмо МНС РФ от 16 марта 2004 г. № 09-1-02/1012 «Об отказе регистрирующего (налогового) органа в государственной регистрации юридического лица, если представленное заявление о регистрации подписано лицом, действующим от имени юридического лица по доверенности, выданной за подписью его руководителя».
6. Трихонюк, Е.Н. Правовое регулирование государственной регистрации юридических лиц: проблемы теории и судебной практики: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007; Чумакова, О.В. Административно-правовые споры в сфере регистрации юридических лиц: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

© И.А. Рогозин, 2014

УДК 34

И.А. Рогозин

Магистрант Института права
Самарского государственного
экономического университета
Г. Самара, Российская Федерация

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТОЛКОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ПОРЯДОК СОЗДАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА»

Порядок образования юридического лица независимо от форм собственности и его будущих собственников - владельцев подразумевает под собой, как правило, прохождение определенных этапов: возникновение идеи о создании нового предприятия, необходимого для производства конкретных видов продукции, товаров, работ, услуг; изучение и определение возможностей использования новых технологий, средств и предметов труда; изучение рынка, на удовлетворение потребностей которого должно работать предприятие; подбор поставщиков, необходимых факторов производства (сырья, материалов, комплектующих изделий, оборудования, энергетических ресурсов, информации и других); подбор соучредителей предприятия; определение финансовых источников, необходимых для формирования уставного капитала, необходимого для первоначального этапа функционирования предприятия; разработка учредительных документов и бизнес-плана; проведение организационных мероприятий по созданию предприятия в зависимости от организационно - правовой формы и формы собственности; осуществление государственной регистрации предприятия, открытие необходимых счетов в банках [1, 93].

Аналогичный порядок применяется и к созданию предприятия в инновационной сфере. Существует два способа создания предприятия: путем учреждения вновь и путем реорганизации существующего предприятия. Однако, говоря о порядке создания предприятий, обычно имеют в виду порядок их создания путем учреждения, а то, что создание предприятия возможно еще с помощью реорганизации, как-то упускается из виду. Учредительная стадия создания малого инновационного предприятия в целом регламентируется Гражданским кодексом РФ и уточняется региональным нормативно - правовым порядком государственной регистрации предпринимательской деятельности [2, с. 8].

Понятие «порядок создания юридического лица» употребляется в двух значениях. Во-первых, в «узком» значении понятие «порядок создания юридического лица» - это упорядоченная, определенная законом, последовательность действий учредителей коммерческой организации и компетентных регистрирующих органов по образованию предприятия в их взаимосвязи. Здесь можно выделить ряд этапов, прямо указываемых или подразумеваемых Гражданским кодексом РФ и специальными законами об отдельных формах коммерческих организаций [3, с. 384]: принятие учредителями решения о создании предприятия, проведение учредительного собрания; составление учредительного договора; разработка устава предприятия; регистрация предприятия; внесение первоначальных вкладов в уставный капитал (для хозяйственных обществ, а также унитарных предприятий, основанных на праве хозяйственного ведения), а также взносов в паевой фонд (для производственных кооперативов).

В законе не содержится сведений о каких-либо иных действиях, которые следовало бы отнести к порядку создания, в соответствии, с чем расширенному толкованию данный перечень не подлежит. Именно в данном контексте понимается положение ч.2 п.1 ст.51 Гражданского кодекса РФ, которое гласит, что «нарушение установленного законом порядка образования юридического лица влечет отказ в государственной регистрации юридического лица».

Идеальная модель, полностью укладывающаяся в рамки данного толкования понятия «порядок создания юридического лица», не соответствует сложившейся в действительности модели порядка создания юридического лица, в которой внесение записи является далеко не завершающим этапом в приобретении юридическим лицом дееспособности, а ведь лишь с ее приобретением можно по-настоящему говорить о завершении создания организации. Дело в том, что по действующему порядку регистрации организация, которой присвоен регистрационный номер, обязана осуществить в определенный срок еще целый ряд мероприятий, чтобы приобрести реальную дееспособность [4, с. 93].

Во-вторых, в широком значении «порядок создания юридического лица» - это вся совокупность определенных действий, так или иначе связанных с созданием организации и приобретением ею полной право- и дееспособности.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что «порядок создания юридического лица» - это совокупность действий, определенных законом, для создания организации и приобретения ею право- и дееспособности.

Список использованной литературы:

1. Чиркин В.Е. Еще раз о юридическом лице публичного права // Журнал российского права. 2006. № 5.
2. Лавернюк А.В. Субъекты публичного права: теоретико-правовое исследование: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

3. Юридические лица и их государственная регистрация. Постатейный комментарий к статьям 48-65 Гражданского кодекса Российской Федерации и Федеральному закону «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». М.: Статут, 2010.

4. Комментарий к Федеральному закону «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». Постатейный / Под ред. Гусевой Т.А. М.: Юстициформ, 2010.

© И.А. Рогозин, 2014

УДК 34.03

А.Г. Самусевич

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, к.ю.н.
Иркутский государственный технический университет
г. Иркутск, Российская Федерация

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В МЕХАНИЗМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ

Вопросы повышения уровня правосознания должностных лиц, как критерия эффективности государственного управления, в последние годы привлекают все большее внимание российских ученых. Причем, если первоначально данный аспект рассматривался с точки зрения субъективного представления (знание о праве, понимание права и др.), то в настоящее время правосознание и правовая культура рассматриваются как определенное состояние. В свою очередь, исходя из заявленной темы, можно предположить, что юридическая ответственность должна «воспитывать» должностных лиц с целью оказания оптимального влияния на выбор правопослушного варианта поведения в профессиональной деятельности. Сказанное оправдывает намерения автора обратиться к определению роли юридической ответственности в механизме формирования правосознания должностных лиц, так как сегодня крайне необходим дальнейший поиск путей повышения эффективности государственного управления. И в первую очередь, как видится, это исходит из функций юридической ответственности, в частности, ее воспитательной функции.

Суть дела в том, что проблематика обусловлена многими аспектами, среди которых можно выделить:

- во-первых, юридическая ответственность в последнее время приобретает особое значение в формировании правосознания должностных лиц, что обусловлено развитием коррупционных проявлений, безнаказанностью и незаконностью практически во всех структурах органов государственной власти, в результате чего, происходит формирование негативного отношения граждан к действующему праву и закону;

- во-вторых, продолжается реформирование государственного аппарата, которое нацелено на улучшение деятельности должностных лиц органов государственной власти, а также на повышение эффективности, понятности и прозрачности работы государственных служащих, и устранения излишних бюрократических барьеров, что должно способствовать повышению уровня доверия населения страны к государственным структурам. В то же время важно подчеркнуть, что юридическая ответственность является одним из действенных средств, обеспечивающих режим законности в функционировании всего

государственного аппарата. Ее следует рассматривать как неблагоприятные правовые последствия за принятые данными субъектами ответственности, противоправные решения, ненадлежащее осуществление своих задач и функции. Следует согласиться с точкой зрения В.Е. Суденко о том, что «Правосознание необходимо прививать не только гражданам, но и власти, властным структурам и власть предержащим» [1, с. 175].

В свою очередь, противостояние негативным и противоправным проявлениям в деятельности должностных лиц напрямую зависит от заложенного в обществе правосознания граждан, так как оно формирует правосознание каждого конкретного государственного служащего.

С целью логичного построения рассуждений о роли юридической ответственности в механизме формирования правосознания должностных лиц органов государственной власти, следует кратко определиться с механизмом формирования правосознания.

Правосознание рассматривается современной правовой наукой как составная часть общественного сознания и, по мнению некоторых авторов, как было отмечено ранее, не сводится к простой сумме индивидуальных взглядов и не противопоставляется правовому сознанию индивидов. Правосознание находится в одном ряду, в прямом взаимодействии с иными формами общественного сознания – нравственным, политическим, философским и др. – и обладает всеми качествами и характеристиками, свойственными общественному сознанию вообще [2, с. 139].

Основное содержание правосознания – оценка действий людей и общественных отношений с точки зрения представлений о праве и правопорядке, о правах и обязанностях, об основаниях возникновения правоотношений, о порядке рассмотрения споров, о преступлениях и наказаниях и др. [3, с. 233].

В данном контексте уместна оговорка: профессиональное правосознание должностных лиц органов государственной власти имеет свою специфику, которая обусловлена содержанием социальной роли, осуществляемой в профессиональной деятельности государственных служащих, в свою очередь это определяет образ жизни и поведение каждого конкретного лица, как в обычной, так и в служебной сфере.

Таким образом, если учитывать, что порученные служащему задания в сфере государственного управления имеют характер социально важных дел, то и содержание волевых действий, мотивов, уровень правосознания, нравственности субъектов управления должны определяться убежденным социально значимым выбором правомерного поведения [4, с. 11]. Как видится, таковы основные активные формы профессионального правосознания должностных лиц органов государственной власти.

Однако следует иметь в виду, что современный механизм формирования правосознания указанной категории лиц не может состоять из одного конкретного метода данного процесса, а может быть выражен в совокупности целого комплекса методов и средств, направленных на формирование такого правосознания, который не поддавался бы деформации. Определяющим фактором в этом процессе, как видится, является его правовая подготовленность, отвечающая требованиям современной юридической науки и правоприменительной практики. Как справедливо отмечает А.С. Бондарев: «Современному научно-организованному правовому воспитательному процессу требуется не отдельный метод, а целый комплекс методов, т. е. методология. Но при этом, однако, в методологии (комплексе методов) современного научно организованного процесса правового воспитания ведущее (центральное) место всегда должен занимать метод убеждения в постоянном взаимодействии с методом внушения, а иногда и с методом принуждения» [5, с. 185].

В свою очередь, можно говорить о том, что меры юридической ответственности, применяемые к должностному лицу органа государственной власти, установленные законодателем, призваны формированию у такого лица правовой культуры и правосознания. Также, по общему правилу, целью юридической ответственности является и предупреждение совершения правонарушений впредь.

Говоря же о роли юридической ответственности в механизме формирования правосознания должностных лиц, следует отметить, что данную взаимосвязь необходимо рассматривать в корреляции следующих аспектов:

- во-первых, основная цель юридической ответственности заключается в установлении наказания для виновного и восстановление нарушенного права, а также побуждение каждого гражданского служащего к правомерному поведению и, в конечном счете, способствование формированию правовой культуры государственных служащих и всего общества. Главную роль в этом играет «выработка» у государственного служащего осознанной потребности в правомерном выполнении возложенных на него должностных обязанностей, базирующейся на велениях гражданского долга и внутреннего побуждения [4, с. 12];

- во-вторых, юридическая ответственность в деятельности должностных лиц органов государственной власти предстает в качестве правовой реакции общества и государства, несущей надежду на возможность противостоять противоправному поведению, лиц, призванных защищать интересы государства и его граждан. Противоправное поведение должностных лиц органов государственной власти препятствует развитию уже возникших правоотношений или возникновению новых на основании действующих регулятивных правовых норм. Данная правовая реакция, полноценно объединяя в себе побудительные мотивы и целеполагание общества и государства, оформляется институционально в вид юридической ответственности материально-правовыми и процессуальными законодательными актами [6, с. 15];

- в-третьих, к юридическим нормам юридической ответственности вплотную примыкают моральные принципы и нравственные нормы, которые способствуют формированию правомерного поведения должностных лиц органов государственной власти и применения к ним санкций за возможное правонарушение в будущем. Кроме того, нравственные нормы ответственности способствуют развитию отрицательного отношения к совершению противоправных действий, тем самым формируя правосознания государственного служащего на правомерное поведение и не совершения правонарушений впредь.

Еще один немаловажный аспект, характеризующий юридическую ответственность в указанном механизме состоит в том, что должностное лицо органа государственной власти должно иметь чувство глубокой ответственности со способностью принимать ответственное решение, и будет идеально, если государственный служащий помимо прочего будет видеть в своих публичных полномочиях не личную выгоду, а обязанность [7, с. 33].

Для этого, особое внимание должно уделяться кадровому составу должностных лиц. В первую очередь, государственная служба должна осуществляться профессионально подготовленными, высоконравственными специалистами, хорошо ориентирующимися в происходящих в государстве процессах, умеющими правильно оценить обстановку и способными четко проводить в жизнь принятые решения [8, с. 40].

Верным видится точка зрения Н.В. Киселевой, что для качественной работы государственного служащего, который ощущает ответственность (и в позитивном, и

в ретроспективном смысле) за любое действие, важно организовать и качественный порядок отбора людей, желающих занять места в системе государственной службы [7, с. 33].

Весьма показательно, что формированию правосознания должностного лица способствует эффективно действующий принцип неотвратимости применения юридической ответственности, применяемый без учета занимаемого положения и иммунитетов.

Несомненно, в процессе осуществления своей деятельности должностное лицо органов государственной власти способно допускать нарушения закона, в том числе в области прав и свобод человека и гражданина, в результате чего неотвратимо должна наступить юридическая ответственность. Ведь, основная цель юридической ответственности достигается, лишь тогда, когда она применяется в практике, а лицо, понесшее заслуженное наказание, ощутило ее карательное и воспитательное воздействие. Поэтому, представляется целесообразным, закрепить данный принцип в качестве приоритетных основ совершенствования и эффективности деятельности органов государственной власти.

Из этого следует, что юридическая ответственность, в частности, ее воспитательная функция, сочетает в себе различные методы воспитательного воздействия: 1) убеждение, 2) приучение, 3) поощрение (позитивная ответственность), 4) наказание (ретроспективная (негативная) ответственность), 5) контроль. Достойна внимания дальнейшая разработка процедуры осуществления общественного контроля за привлечением должностного лица к юридической ответственности, что обеспечит эффективность и целесообразность применения юридической ответственности в деятельности органов государственной власти.

Рассмотренный аспект взаимосвязи выражается в том, что юридическая ответственность, как в позитивном, так и в ретроспективном (негативном) проявлении, может выступать эффективным инструментом в процессе формирования правосознания должностных лиц, сочетая в себе все вышеуказанные методы, что в результате повышает у воспитуемого лица уровень правосознания и правовой культуры, а также формирует позитивное отношение к праву.

Список использованной литературы:

1. Суденко В.Е. Гражданское общество и правосознание // Актуальные проблемы реализации основ государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан : сб. научных статей Международной научно-практической конференции. Вып. 20 / под ред. Н.А. Духно, В.М. Корякина. М. : Юрид. ин-т МИИТа, 2012.
2. Алексеев С.С. Общая теория права. М.: Проспект, 2008.
3. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права / под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008.
4. Ежова Н.В. К вопросу о понятии юридической ответственности государственных гражданских служащих // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2013. № 1.
5. Бондарев А.С. Юридическая ответственность и безответственность – стороны правовой культуры и антикультуры субъектов права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008.
6. Серков П.П. К вопросу о современном понимании административного судопроизводства // Административное право и процесс. 2013. № 9.

7. Киселева Н.В. Проблемы привлечения к ответственности государственных служащих в результате предоставления некачественных государственных услуг // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 9.

8. Пустовалова И.Н. Идеологические детерминанты коррупции // Административное и муниципальное право. 2010. № 9.

© А.Г. Самусевич, 2014

УДК 34

И.С. Сараджев

Аспирант кафедры частного права
Российский государственный гуманитарный университет
г. Москва, Российская Федерация

ОДНОСТОРОННИЙ ОТКАЗ СОБСТВЕННИКОВ ПОМЕЩЕНИЙ ОТ ДОГОВОРА УПРАВЛЕНИЯ МНОГОКВАРТИРНЫМ ДОМОМ

Аннотация

В статье рассматриваются особенности одностороннего расторжения договора управления многоквартирным домом с управляющей организацией. Автором проведен анализ действующего в данной области законодательства и судебной практики. Сделан вывод о необходимости внесения изменений в соответствующие положения с целью предоставления собственникам прав на одностороннее расторжение договора управления многоквартирным домом как потребителям услуг.

Ключевые слова: односторонний отказ, управляющая организация, общее собрание, собственники, многоквартирный дом, жилое помещение.

В отношениях по управлению многоквартирным домом нередко возникают случаи, когда собственников помещений не удовлетворяет то, как управляющая организация оказывает услуги по управлению домом. В этом случае жилищным законодательством предусмотрено право собственников на односторонний отказ от договора управления многоквартирным домом. В данном праве проявляется особый характер отношений по управлению многоквартирным домом. При этом односторонний отказ по жилищному законодательству существенно отличается от одностороннего отказа по гражданскому законодательству, поскольку устанавливает определенный порядок расторжения в зависимости от того, при каких обстоятельствах был заключен договор. В юридической литературе односторонний отказ по инициативе собственников рассматривается в качестве отдельного случая прекращения договорных отношений [12].

Жилищный Кодекс различает два вида одностороннего расторжения договора управления: одностороннее расторжение договора управления с управляющей организацией, выбранной по конкурсу (ч. 8.1 ст. 162 ЖК РФ); одностороннее расторжение договора управления с управляющей организацией, выбранной собственниками помещений (ч. 8.2 ст. 162 ЖК РФ). Порядок одностороннего отказа соотносится с ч. 3 ст. 161 ЖК РФ, устанавливающей правило, в соответствии с которым способ управления многоквартирным домом может быть изменен в любое время на основании решения общего собрания собственников в многоквартирном доме.

Если управляющая организация собственников не устраивает, ч. 8.1 ст. 162 ЖК РФ дает собственникам помещений право в одностороннем порядке отказаться от исполнения

договора управления, заключенного с победителем конкурса по истечении каждого последующего года со дня заключения указанного договора в случае, если до истечения срока действия такого договора общее собрание собственников помещений в многоквартирном доме приняло решение о выборе или изменении способа управления этим домом.

При этом Жилищный Кодекс не предусматривает возложения на собственников, воспользовавшихся своим правом в соответствии с пунктом 8.1 статьи 162 ЖК РФ, каких-либо дополнительных обязательств (например, по возмещению убытков), следовательно, как справедливо отметила Л.А. Юрьева, «такое поведение собственников расценивается законодателем как правомерное» [16]. Однако подобный подход не является справедливым, поскольку договор управления носит экономический характер, а управляющая организация является коммерческой и деятельность по управлению домом является предпринимательской.

Вместе с тем, в письме Министерства регионального развития РФ уточняются последствия расторжения договора управления многоквартирным домом на основании п. 8.1 ст. 162 ЖК РФ: если у сторон расторгаемого договора управления осталась задолженность, то взаимные убытки должны быть ими возмещены [8]. Например, в случае, если за кем-либо из собственников остался непогашенный долг по оплате жилищно-коммунальных услуг, они обязаны погасить долг управляющей организации. Если управляющая организация получила плату за работы и услуги, которые не были выполнены, стоимость излишне оплаченных работ и услуг должна быть возвращена.

В случае, когда управляющая организация была выбрана на общем собрании собственниками помещений, собственники также не лишены права на расторжение с ней договора управления. В соответствии с ч. 8.2 ст. 162 ЖК РФ собственники помещений в многоквартирном доме на основании решения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме в одностороннем порядке вправе отказаться от исполнения договора управления многоквартирным домом, если управляющая организация не выполняет условий такого договора.

Получается, что любой договор управления может быть расторгнут заказчиком (собственниками помещений в многоквартирном доме) без обращения в суд, если исполнитель (управляющая организация) не выполняет принятых на себя договорных обязательств. Как справедливо отмечает Л.А. Юрьева, Жилищный кодекс РФ не дает какой-либо содержательной характеристики данного основания [16]. Гражданский кодекс РФ для обозначения нарушения обязательства должником использует термины "неисполнение" и "ненадлежащее исполнение", не раскрывая их содержания. В юридической литературе рассматриваемые понятия обычно используются в связке. Одни авторы считают, что в большинстве случаев различия между явлениями невозможно установить. Например, О.А. Красавчиков, считал, что "разграничение неисполнения и ненадлежащего исполнения не может быть, однако, проведено с абсолютной последовательностью" [13, с. 458]. Э.П. Гаврилов также отмечает, что "если должник по договору поставки должен был поставлять товары каждую неделю в течение календарного года, а фактически произвел только одну поставку, то трудно ответить на вопрос, имеет ли место неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства" [4].

Однако большинство цивилистов дифференцируют рассматриваемые понятия по степени исполнения обязательства должником. Так, В.В. Витрянский предлагает под неисполнением понимать случаи, когда должник не приступил к исполнению своих обязанностей, когда на дату исполнения договора стороны остаются в положении, существовавшем до заключения договора и в данном случае под ненадлежащим

исполнением понимается выполнение договорных обязательств не в полном и не в должном объеме [1, с. 319]. А.Г. Карапетов под неисполнением обязательства понимает текущую просрочку, которую при этом следует отличать от просрочки как разновидности ненадлежащего исполнения [3]. Если же на конкретный момент времени обязательство уже, пусть и с задержкой, было исполнено, то имеет место ненадлежащее исполнение, т.е. исполнение обязательства с нарушением отдельных его условий, в данном случае условие о сроке.

Следует обратить внимание, что в ч. 8.2 ст. 162 ЖК РФ речь идет о невыполнении условий договора, а не договорного обязательства [15]. Как правило, договоры управления многоквартирным домом содержат условия о качестве и сроках оказания услуг, причем предоставление услуг ненадлежащего качества или в ненадлежащие сроки будет являться ненадлежащим исполнением обязательства и одновременно невыполнением условий договора.

В связи с вышесказанным Л.А. Юрьева сделала справедливый вывод, что основанием для одностороннего отказа собственников помещений от договора управления многоквартирным домом в соответствии с пунктом 8.2 статьи 162 ЖК РФ является неисполнение условий договора управляющей организацией, выразившееся в неисполнении или ненадлежащем исполнении возложенных на нее обязанностей [16]. Вместе с тем автор отмечает, что каких-либо дополнительных критериев оценки нарушения обязательств со стороны управляющей организации как основания для одностороннего отказа от договора (существенность, грубость, систематичность) закон не устанавливает.

Однако возникает вопрос, как установить факт невыполнения управляющей организацией условий договора, достаточный для его расторжения в одностороннем порядке. Необходимо отметить, что Жилищный Кодекс РФ не содержит норм, которые позволяли бы зафиксировать факты невыполнения условий договора управления многоквартирным домом управляющей организацией, что существенно осложняет доказывание ее вины. М.О. Денисова в данном случае отмечает, что если управляющая организация нарушает порядок содержания и ремонта дома в целом либо порядок осуществления отдельных процедур, обозначенных на уровне нормативно-правового акта, в частности, а также имеет соответствующие предписания об устранении выявленных нарушений со стороны государственной жилищной инспекции или уже привлечена к административной ответственности, у собственников помещений есть повод усомниться в том, выполняет ли управляющая организация условия договора управления со всеми вытекающими последствиями [2]. Думается, доказывать в судебном порядке данный факт, чтобы реализовать свое право на односторонний отказ от исполнения договора, собственники не должны.

Следовательно, если на общем собрании будет принято решение о смене управляющей организации (по причине невыполнения этой управляющей организацией условий договора), формально этого будет достаточно для легитимного расторжения договора в одностороннем порядке. Важно учитывать, что управляющая организация не лишена возможности защиты своих прав и может оспорить решение собственников в судебном порядке. Если ситуация получит именно такое развитие, собственники помещений (их представители) будут обязаны подготовить доказательную базу по факту невыполнения управляющей организацией условий договора управления, после чего суд решит, правомерно ли расторжение договора в одностороннем порядке в рассматриваемом случае.

Таким образом, немотивированный отказ от исполнения договора не допускается. Стоит отметить, что до внесения данной нормы закона действовал принцип свободы договора, и

собственники помещений могли в любое время досрочно отказаться от исполнения договора управления [14]. Данный принцип указан в ст. 1 ГК РФ и является одним из основополагающих в гражданском законодательстве. Также необходимо напомнить, что управляющая организация является коммерческой организацией, а значит, имеет своей целью извлечение прибыли и осуществляет свою деятельность на свой страх и риск. Управляющая организация оказывает услуги по управлению, а собственники являются потребителями. Поскольку эти отношения лежат в плоскости гражданского права, в данном случае принцип свободы договора должен быть применен и к вопросу одностороннего отказа от исполнения договора.

В судебной практике к вопросу о допустимости немотивированного отказа складывалась неоднозначная позиция. Так, в Постановлении ВАС РФ от 15.07.2010 № 1027/10 [10] был определен подход к применению ч. 8.2 ст. 162 ЖК РФ, согласно которому собственники помещений в многоквартирном доме, избравшие новую управляющую организацию до истечения срока договора с ранее избранной организацией, обязаны предоставить суду доказательства ненадлежащего исполнения последней своих обязательств. Немотивированное досрочное расторжение договора возможно только при наличии такого условия в договоре. Однако в Постановлении ВАС РФ №7677/11 сформирована отличная от указанного выше постановления, позиция: собственники помещений вправе в одностороннем порядке отказаться от исполнения договора управления многоквартирным домом не только в случае, если управляющая организация не выполняет условий такого договора, но и в случае принятия решения о выборе иной управляющей организации или изменения способа управления данным домом.

В Постановлении Арбитражного суда была сформулирована правовая позиция, согласно которой в том случае, если собственники приняли решение о смене управляющей организации в рамках выбранного способа управления, они также должны принять на общем собрании отдельное решение об отказе от исполнения ранее заключенного договора управления домом [9]. Данное Постановление также разъяснило применение постановлений Президиума ВАС РФ от 15.07.2010 г. №1093/10 [11] и 15.07.2010 № 1027/10, сформировавших две различные позиции. Согласно Постановлению ВАС РФ от 15.07.2010 г. №1093/10, управление многоквартирным домом может осуществляться только одним из способов, предусмотренных законодательством. В Постановлении ВАС РФ от 15.07.2010 № 1027/10 суд пришел к выводу, что собственники на общем собрании вместе с решением вопроса об изменении управляющей организации должны принимать отдельное решение об отказе от исполнения договора с предыдущей управляющей организацией. При этом первая позиция применяется к ситуациям, когда собственники помещений принимают решение об изменении способа управления. Вторая позиция применяется к ситуациям, когда собственники принимают решение о смене управляющей организации в рамках выбранного способа управления. Таким образом, если собственники изменяют способ управления, они не должны принимать специальное решение о расторжении предыдущего договора управления, а если они выбирают иную управляющую организацию, то обязаны это сделать.

Верховный Суд также сформулировал свою позицию [7]. Один из собственников помещений обратился в суд с требованием о признании договора управления расторгнутым, поскольку на общем собрании был избран другой способ управления многоквартирным домом – непосредственное управление. Верховный Суд РФ посчитал, что изменение способа управления многоквартирным домом является основанием для прекращения ранее заключенного договора управления с управляющей организацией и признал законным требование заявителя. Вместе с тем Верховный Суд РФ представил свое

толкование п. 8.2 ст. 162 ЖК РФ: положения данной нормы при разрешении судами дел о прекращении договоров на управление многоквартирными домами подлежат применению только в том случае, когда имеет место односторонний отказ собственников помещений от договора управления многоквартирным домом в рамках одного и того же ранее выбранного способа управления – управления управляющей организацией и такой отказ связан с неисполнением или ненадлежащим исполнением условий договора, а не с изменением способа управления многоквартирным домом. Таким образом, Верховный Суд РФ подтвердил позицию, согласно которой немотивированный отказ от договора управления с управляющей организацией не допускается, чем подтвердил суть, заложенную в ч. 8.2 ст. 162 ЖК РФ.

Кроме того, как справедливо заметила И. Кузьмичева, лингвистическая конструкция самой нормы не допускает двух мнений: «Изменение в редакции 8.2, изменившее прежнюю редакцию добавлением «и принять решение о выборе иной управляющей организации или об изменении способа управления данным домом», не меняет предпосылку для одностороннего отказа – невыполнение управляющей организацией условий договора» [5]. Только при наличии предпосылки о ненадлежащем исполнении обязанностей возникает право собственников в одностороннем порядке отказаться от исполнения договора управления многоквартирным домом и принять решение о выборе иной управляющей организации или об изменении способа управления данным домом.

Необходимо отметить, что разрешение спора о правомерности или неправомерности одностороннего расторжения договора управления применяется ст. 162 ЖК РФ в тесной связи со ст. 165 ЖК РФ. В соответствии с частью 1.1 статьи 165 ЖК РФ орган местного самоуправления на основании обращения собственников помещений в многоквартирном доме, председателя совета многоквартирного дома о невыполнении управляющей организацией обязательств в пятидневный срок проводит внеплановую проверку ее деятельности. В случае если по результатам указанной проверки выявлено невыполнение данной управляющей организацией условий договора управления многоквартирным домом, орган местного самоуправления не позднее чем через пятнадцать дней со дня соответствующего обращения созывает собрание собственников помещений в данном доме для решения вопросов о расторжении договора с такой управляющей организацией и о выборе новой или об изменении способа управления данным домом. Таким образом, надлежащим доказательством невыполнения управляющей организацией условий договора является только заключение органа местного самоуправления по итогам проверки.

Однако из договорных отношений управления многоквартирными домами не вытекают такие особенности, которые позволяли бы ущемить жилищные права собственников как потребителей услуг управления многоквартирными домами по сравнению с положением тех же лиц, выступающих потребителями аналогичных услуг при иной форме управления домом. Поэтому возможность одностороннего расторжения договора управления не должна быть поставлена в исключительную зависимость от ненадлежащего исполнения обязанностей управляющей организацией.

Также в правовой позиции Президиума ВАС справедливо отмечается, что «анализ законодательства не свидетельствует о том, что, выбрав единожды способ управления домом и конкретную управляющую организацию, домовладельцы лишаются возможности изменить этот способ управления и управляющую организацию иначе как по суду и только в случае подтверждения нарушений со стороны управляющей организации» [6]. Более того, согласно данной позиции статья 162 ЖК РФ позволяет собственникам помещений в многоквартирном доме в одностороннем порядке отказаться от исполнения договора управления многоквартирным домом не только в случае, если управляющая организация не

выполняет условий такого договора, но и в случае принятия ими решения о выборе иной управляющей организации или изменения способа управления данным домом. Как справедливо отмечает И. Кузьмичева, нарушение данной позиции нарушало бы единообразие правоприменительной практики и было бы основанием для отмены судебных актов [5]. Однако данная правоприменительная практика не соответствует букве закона, что порождает коллизию.

Решение этой коллизии кроется в изменении закона, а именно статьи 162 ЖК РФ в части невыполнения управляющей организацией своих обязательств. Необходимо предоставить собственникам право решать, желают ли они управление таким способом и такой управляющей организацией или нет. При этом необходимо напомнить, что собственники являются потребителями и как любой другой потребитель, они должны иметь право на расторжение в одностороннем порядке без каких-либо доказательств невыполнения управляющей организацией своих обязанностей, возместив ей соответствующие расходы. В данном случае предлагается привести норму ч. 8.2 ст. 162 ЖК РФ в соответствие с гражданско-правовым регулированием, заложенным в ст. 717 и ч. 1 ст. 782 ГК РФ.

Таким образом, собственники помещений смогут отказаться от исполнения договора, не мотивируя свои действия, в двух случаях: при выборе иного способа управления и в случае отказа от услуг управления данной управляющей организацией (тем самым, по возможности, избежав длительных судебных тяжб с риском проиграть дело управляющей организации из-за отсутствия доказательств ненадлежащего исполнения этой организацией своих обязательств). В случае гражданско-правовой модели регулирования одностороннего отказа от исполнения договора управления, заключенного с управляющей организацией, собственники помещений, являясь стороной договора управления, будут обязаны возместить понесенные исполнителем расходы, после чего договор можно будет считать прекращенным. Та же обязанность остается и у управляющей организации. Предложенное правовое регулирование не будет ущемлять права собственников помещений как потребителей такого рода услуг.

Список использованной литературы:

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Комментарий к части первой Гражданского Кодекса Российской Федерации для предпринимателей // М.: Фонд "Правовая культура", 1995. 480 с.
2. Денисова М.О. Расторжение договора управления в одностороннем порядке // Жилищно-коммунальное хозяйство: бухгалтерский учет и налогообложение. 2012. № 3. С. 56-63.
3. Карапетов А.Г. Неустойка как средство защиты прав кредитора в российском и зарубежном праве. М.: Статут, 2005. 286 с.
4. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / Под ред. С.П. Гришаева, А.М. Эрделевского // СПС КонсультантПлюс.
5. Кузьмичева И. Расторжение договоров управления многоквартирными жилыми домами: законодательство и правовые позиции ВАС РФ // Жилищное право. 2013. № 9. С. 101-111.
6. Определение ВАС РФ от 18.02.2013 № ВАС-18495/12 по делу № А33-15700/2011 // СПС КонсультантПлюс.
7. Определение Верховного Суда РФ от 05.06.2012 № 59-В12-5 // СПС КонсультантПлюс.
8. Письмо Министерства регионального развития РФ "Об изменении жилищного законодательства Российской Федерации" // Журнал руководителя и главного бухгалтера ЖКХ. 2007. № 6 (ч. 2).

9. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 14 мая 2012 г. № 12АП-4188/11 // СПС КонсультантПлюс.

10. Постановление Президиума ВАС РФ от 15.07.2010 № 1027/10 по делу № А11-10018/2008 // Вестник ВАС РФ. № 10. 2010.

11. Постановление Президиума ВАС РФ от 15.07.2010 № 1093/10 по делу № А33-14135/2008 // Вестник ВАС РФ. № 10. 2010.

12. Пургина М.А. Прекращение договора управления многоквартирным домом // Жилищно-коммунальное хозяйство: бухгалтерский учет и налогообложение. 2009. № 4.

13. Советское гражданское право: Учебник для вузов. В 2 т. Т. 1 / Под ред. О.А. Красавчикова. М.: Высшая школа, 1985. 544 с.

14. Федеральный закон от 29.12.2006 N 251-ФЗ "О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и статью 18 Федерального закона "О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации" // СЗ РФ. 2007. N 1 (1 ч.). Ст. 14.

15. Юрьева Л.А. Договор управления многоквартирным домом: монография / Под. Ред. И.Д. Кузьминой. М.: Юстицинформ, 2011. 256 с.

16. Юрьева Л.А. Прекращение договора управления многоквартирным домом путем одностороннего отказа от его исполнения // Жилищное право. 2010. № 9. С. 75-84.

© И.С. Сараджев, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

А. Я. Авдалян НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ СТ. 191 УК РФ.....	3
М.М. Васягина ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСА ПОТЕРПЕВШЕГО В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТНОЙ И БЕСКОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ.....	5
Е.С. Власенко, Ю. В. Маркелова МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОГОВОРЫ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ДЕТЕЙ.....	7
К.С. Ерузалимова ЛИЦА, УЧАСТВУЮЩИЕ В ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ТРУДОВЫХ СПОРАХ.....	13
А.И. Зазулин ПРОБЛЕМЫ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА И КОМПЕНСАЦИЯ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВА НА СУДОПРОИЗВОДСТВО В РАЗУМНЫЙ СРОК.....	15
П.Г. Зверев ПЛАНИРОВАНИЕ РАЗОРУЖЕНИЯ ДЕМОБИЛИЗОВАННЫХ ЭКС-КОМБАТАНТОВ В МИРОСТРОИТЕЛЬСТВЕ ООН.....	18
П.Г. Зверев РАЗОРУЖЕНИЕ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ПОСТКОНФЛИКТНОГО МИРОСТРОИТЕЛЬСТВА.....	20
П.Г. Зверев ОБ ИНДИВИДУАЛЬНОМ ИММУНИТЕТЕ ПЕРСОНАЛА МИРОТВОРЧЕСКИХ СИЛ С ПОЗИЦИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА.....	22
Е.Е. Коновалова ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ СОБЛЮДЕНИИ СРОКОВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РФ.....	23
И.А.Курильская КОНСТИТУЦИОННАЯ ЖАЛОБА В ПРАКТИКЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ СУДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОБЪЕКТЫ ОСПАРИВАНИЯ.....	25
А.В. Нечушкин ЗНАЧЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОГО ПРАВА.....	29
Н. В. Павлова ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРАТУРЫ В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА.....	30
И.А. Рогозин К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ КРЕДИТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА.....	34

И.А. Рогозин ПРАВОМЕРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ОБОСНОВАННОГО ОТКАЗА В ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ СОЗДАНИЯ, РЕОРГАНИЗАЦИИ И ЛИКВИДАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ.....	36
И.А. Рогозин НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТОЛКОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ПОРЯДОК СОЗДАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА».....	38
А.Г. Самусевич ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В МЕХАНИЗМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ.....	40
И.С. Сараджев ОДНОСТОРОННИЙ ОТКАЗ СОБСТВЕННИКОВ ПОМЕЩЕНИЙ ОТ ДОГОВОРА УПРАВЛЕНИЯ МНОГОКВАРТИРНЫМ ДОМОМ.....	44

Научное издание

РОЛЬ ПРАВОВОЙ НАУКИ В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА

Сборник статей
Международной научно-практической конференции
22 августа 2014г.

В авторской редакции

Подписано в печать 26.08.2014 г. Формат 60х84/16.
Усл. печ. л.3,85 Тираж 500 Заказ № 81

Издательство "Аэтерна"
450076, г. Уфа, ул. Гафури 27/2
e-mail: info@aeterna-ufa.ru
Тел.: + 7 (347) 266 60 68